

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

The background of the cover is a dramatic illustration. A central figure, a warrior with a beard and a metal helmet, stands amidst a battlefield. He is wearing a red cloak over a chainmail tunic and holding a sword in his right hand and a dagger in his left. He stands over a pile of fallen soldiers and armor. In the background, a flag with a cross is visible, and the sky is filled with dark, swirling clouds and rain. The overall tone is epic and somber.

Андрей Посняков

ДОВМОНТ

НЕИСТОВЫЙ КНЯЗЬ

Андрей Анатольевич Посняков
Довмонт. Неистовый князь
Серия «Довмонт», книга 1
Серия «Историческая фантастика»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344598

*Андрей Посняков. Довмонт: Неистовый князь: АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106440-2*

Аннотация

Дуй, ветер! Шумите, деревья! – под это языческое заклятье языческие жрецы бога Пикуолиса, повелителя смерти, приносят своему господину кровавые жертвы! На этом черном алтаре оказался и Игорь Ранчис, молодой аспирант из Санкт-Петербурга, явившийся в Литву, чтобы избавить свою семью от древнего родового проклятья, наложенного еще в тринадцатом веке первым литовским королем Миндовгом. Молодой человек отправился в Литву, взяв с собой любимую девушку... И под гул языческих барабанов душа Игоря вселилась в тело его далекого предка, литовского кунигаса Довмонта, язычника, правителя, воина... и будущего псковского князя. Думать некогда – нужно защищать свою землю от многочисленных врагов, и в первую очередь – от рыцарей Тевтонского ордена. Не дремлют

и родственники, прикидывающиеся друзьями, алчными глазами
смотрят на власть и языческие жрецы.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	56
Глава 3	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Андрей Посняков

Довмонт: Неистовый князь

Выпуск 2

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Андрей Посняков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Санкт-Петербург – Литва

- Дуй, ветер!
- Шумите, деревья!
- Радуйся, лес!

Били в ладоши жрецы. Извивались в мрачном танце юные девственницы-жрицы. Ухмылялся крепкий косматый старик с морщинистым темным лицом. Кругом горели костры, и тухлый запах смерти стелился над поляной и рекой, над орешником и старой ольхою, над всей пущей.

Девушки-жрицы упали на колени. Упали, изогнулись и застонали, славя жестоких древних богов.

В руках старика сверкнул изогнутый нож!

Перед ним, на жертвеннике, лежала распятая нагая дева. Юная красавица с синим взором и нежным, побледневшим от неопишуемого ужаса личиком. Теплые светло-русые локоны, тонкая белая кожа, упругая, трепетно вздымающаяся грудь.

- Дуй, ветер!
- Шумите, деревья!
- Радуйся, лес!

Девушки-жрицы стонали все громче и громче! Били в ладоши молодые жрецы.

– Радуйся, лес! Радуйся, Пикуюлис, властелин подземных чертогов и падших душ! Прими нашу жертву... Прими! Прими!

Изогнувшись в каком-то бесовском танце, старик вдруг сплюнул желтоватой пеной и, подскочив к девушке, со смаком вонзил нож ей в живот.

* * *

Какой вид открывался с обрыва! Невероятно красивый, захватывающий, волшебный, он манил вдаль, открывая взгляду аквамариново-синий простор озера, не очень широкого, но длинного, словно река. На противоположном берегу сразу же начинался лес: густой, смешанный – с вековыми елями, сумрачными осинами и небольшими вкраплениями белоствольных березок на опушках. Лес казался разным.

Вблизи, у самой воды – густо-зеленый, чуть подальше – желтоватый, а совсем далеко – пропадающий в туманной голубой дымке. Стоял июнь, и все вокруг утопало в медвяном многоцветье только раскрывшегося лета, залитого солнечным светом, таким ярким, что больно было в глазах.

На самой вершине обрыва – высокого, метров восемь – упрямо цеплялась за песчаную почву сосна. Кривые ветви ее напоминали разметавшиеся в каком-то жутком кошмаре руки, а серые корни – омерзительных змей, неведомо как вгрызшихся в землю. Или даже, скорей, они походили на

серые пальцы полусгнившего, вылезшего из могилы трупа. Крепкие – не разожмешь, – эти корни-змеи поддерживали осыпающийся берег, и хотя сосна опасно кренилась к воде, выглядела она вполне устойчиво и, наверное, в чем-то красиво. Прямо под обрывом, внизу, у самой воды, торчали серые камни, судя по разбросанным вокруг щепкам, послужившие причиной гибели не одной местной лодки.

Однако сейчас озеро было спокойным. Волны почти не бились о берег, лишь иногда налетавшие вдруг легкие порывы ветра раскачивали ветки сосны да гнали по воде мелкую рябь.

– Нет, потрясное селфи будет! Говорю же, ага.

Девушка в узеньких рваных джинсах и кедах, в наброшенной поверх короткой маечки куртке, подбежала к сосне, встала на корнях на самом краю обрыва, вытащила из кармана айфон...

– Нет, правда, круто!

Невероятно красивая, юная, стройненькая, словно молодая березка, девушка, казалось, сошла прямо со страниц какого-нибудь глянцевого журнала. Несомненно, красавица привлекала внимание еще и нежными чертами лица, светлой, тонкой кожей и невероятно ясным взглядом больших серовато-голубых глаз.

Сделав пару снимков, она помахала рукой тем, что стояли невдалеке от обрыва. Трое парней и девушка – такая же кра-

сивая, тоненькая, голубоглазая, только волосы посветлей. Но все та же аристократическая изысканность, все та же светлая кожа, чуть тронутая первым летним загаром. Эта выглядела чуть помладше, но похожа на первую – очень! Скорее, это были родные сестры, да.

– Ну что ж, сестричка? Иди же сюда. А вы нас сфоткайте, парни.

– Ага.

Ожидая сестру, красавица чуть подвинулась, освобождая место... и в этот момент под ногами ее, прямо из-под корней, показалась отвратительная скользкая лента! Раздвоенный язык, холодные немигающие глаза, черная блестящая кожа...

Змея! Ядовитая склизкая гадина.

– Лаума-а!

Заметив опасность, девчонка испуганно дернулась. Серо-голубые глаза ее округлились, кеды соскользнули с корней...

– Ай!

Ухватиться покрепче за ветку... вот так... так... Хорошо! Было бы... Только ветка, увы, оказалась непрочной. Послышался противный треск, и юная красавица, не удержавшись, полетела вниз, прямо на камни.

– Лаума-а-а!

Не обращая внимания на змею, младшая сестренка упавшей подбежала к самому краю обрыва, глянула... и, всхлип-

нув, растерянно обернулась:

– Она... там... лежит... Надо бежать! Помочь!

– Да, да, бежим, Лайма.

Быстро оббежав обрыв, парни с девчонкой выбрались к озеру, к серым камням... Лаума лежала, раскинув руки, не шевелясь. В мертвых, широко раскрытых глазах ее отражалось высокое июньское небо. Все вокруг было заляпано кровью.

– Лаума-а, сестричка... – Лайма бросилась погибшей на грудь и, тут же отпрянув, в отчаянье закричала: – Не-е-ет!

* * *

«...в это же время король литовский Миндовг был убит одним знатным литовцем, хотевшим завладеть королевством. Но сын короля, находившийся у русских и услышавший об убийстве отца, возвратился в Литву, чтобы отомстить за убийство отца. Всех христиан, которых он нашел пленными в своем государстве, он милостиво отправил назад в Ригу, к магистру. Но затем он дался в обман литовцам, составил с ними заговор и послал в том же году войско в Вик и Пернов и опустошил эти области в Сретение Господне. А неделю спустя...»

– Игорь! Да очнись же. Оторвись, наконец, от своих хроник.

Сидевший на лавочке молодой человек в светло-сером костюме и дорогих модных туфлях оторвал взгляд от ридера и улыбнулся:

– Рад тебя видеть, Олик!

– И я рада, что ты рад. Как ваши аспирантские труды? Вижу, и тут не дают покоя.

Стройная девушка лет двадцати в синих коротких шортиках и накинутаой поверх надетой футболки кофте уселась на скамеечку рядом. Молодые люди поцеловались, и поцелуй вышел куда более долгим и жарким, нежели требовали бы приличия, из чего любой внимательный человек, несомненно, сделал бы вывод о том, что эта парочка – больше, чем просто друзья.

Так оно и было, молодой аспирант Игорь Викторович Ранчис и студентка-первокурсница Ольга познакомились еще полгода назад на дискотеке в студенческом городке и сразу же... нет, не переспали. Просто сразу же понравились друг другу, а переспали уже позже, месяца через три, что для торопливой питерской молодежи в общем-то нехарактерно. Тем не менее именно так все и произошло – чувства молодых развивались по нынешним понятиям медленно, зато по-старинному основательно и надежно. Несмотря на весь свой внешний лоск, Игорь Викторович вовсе не был вертопрахом, наоборот, считался человеком вдумчивым и серьезным. Аспирант на кафедре всеобщей истории РГПУ – куда уж серьезней! С виду, конечно, такого не скажешь – вполне себе

обычный молодой человек двадцати трех лет от роду. Высокий блондин с серо-стальным взглядом. Модная аккуратная стрижка, холеные усики, небольшая «шкиперская» борода, тоже холеная, на левой щеке – небольшая родинка. Игорь был из тех молодых людей, этаких «красавчиков», что обычно очень нравятся женщинам. Что и говорить, девчонки ему прямо на шею вешались: красивый, стройный, к тому же – из очень небедной семьи, что тоже немаловажно. Правда, вот – умный. Слишком умный – и это девчонок пугало! Ну, зачем же разговаривать с ними о «Теории полей», о Питириме Сорокине или о книге Лебона «Психология толпы»? Ладно еще – со студентками-гуманитариями, но с со всеми прочими – увольте! Наверное, во многом именно поэтому Игорь и не был до сих пор женат, кто знает?

Однако, похоже, все шло к свадьбе. Новая пассия Игоря, Ольга – Оленька или Олик, как он ее называл, – характер имела серьезный, к тому же была чудо как хороша. Тонкая аристократически хрупкая фигура, столь же аристократически-светлая кожа, лишь слегка подрумяненная холодным петербургским солнышком. Чистое, слегка вытянутое, личико с тонкими нежными чертами обрамляли светло-русые локоны, с неопишемым волшебством гармонирующие с ослепительно-синим взглядом и легким румянцем на щеках девушки. Длинные волосы тепловато-мягкого оттенка добавляли к образу Ольги некую изысканную таинственность, женственность и нежность.

Происхождения, к слову сказать, Олик была самого что ни на есть простого: всю жизнь прожила с мамой в однокомнатной квартирке в Ивангороде. Мама работала в турфирме, заодно приторговывая продуктами из расположенной здесь же, за речкой, эстонской Нарвы. Не бог весть что, но на жизнь денег, в общем, хватало. В том числе – и на учебу Ольги.

– А я «Социологию» на пятерку сдала, вот! – закинув ногу на ногу, Ольга показала Игорю язык и весело засмеялась.

– Что, прямо так на экзамен и пришла? В шортиках? – улыбнулся молодой человек.

– Да нет же! Экзамен-то еще с утра был.

– Что же сразу не позвонила, не похвасталась?

– Я звонила, – девчонка сверкнула глазами и тут же нахмурилась. – Несколько раз звонила, чес-слово. А вот ты – отключен был.

– Так у нас заседание кафедры было... Ой! Забыл ведь включить – вот безголовый.

Игорь быстро вытащил смартфон и, включив звук, глянул на экран:

– И впрямь звонила.

– Когда я тебя обманывала? – шутливо обиделась Ольга. – Не доверяешь, да?

– Почему же? Доверяю.

– Не доверяешь, не доверяешь, не доверяешь!

– Да нет же, нет!

– Чес-слово?

– Чес-слово! Честное пионерское, как говорили в древние времена.

Девушка снова расхохоталась:

– Ой, пионер нашелся. Ну... и где мы мою пятерку отпразднуем? Я, между прочим, самому Венгерову сдавала. Никто к нему не шел, потому и быстро.

– Чего? – молодой человек искренне изумился, подняв кверху брови. – Это что же, Аристарх Никодимыч тебе пятерку поставил?

– Поставил, поставил!

– Ну, дела-а-а!

– И еще сказал, что я – подающая надежды! Да-да. Именно так и сказал.

Они сидели в скверике перед главным корпусом РГПУ, как раз напротив памятника Ушинскому, в окружении цветов и акаций. Место было людное, поэтому с поцелуями осторожничали, к тому же сам Ушинский (памятник) вроде как косился в их сторону, поглядывал явно этак неодобрительно.

– Знаешь, где отпразднуем? – Игорь погладил девушку по коленке. – Ко мне поедem. Теть Лена с утра еще подалась по делам в Москву, сказала, что дня на три. Сестренки на Карельском перешейке. Отдыхают. То ли в Светогорске, то ли в Оленегорске – где-то там.

– Там Финляндия уже совсем рядом.

– Угу. У Лаумы однокурсники оттуда. Они и пригласили.

– Поня-атно. – Ольга томно погладила губы языком. Вообще-то она от подобных жестов воздерживалась... вот разве что для Игоря.

– Значит, ты у нас нынче – совсем одинокий мужчина?

– Савсэм, савсэм! На ужин приготовлю что-нибудь вкусненькое. А вино я уже купил. Красное сухое бордо, как ты любишь.

– Так что же мы здесь сидим? – встрепенулась девушка. – Едем!

Машина – ослепительно-белый «Ситроен-ДС5» – была припаркована рядом, в соседнем университетском двореке. Недавний подарок «тети Лены», по-простому говоря – мачехи. Мать Игоря умерла при родах, не дожив до своего восемнадцатилетия три дня. Отец сильно горевал, но через год женился. Сначала на одной женщине, с которой не ужился долго, потом – на другой. На ослепительной красавице брюнетке Елене, Елене Васильевне, женщине с деньгами и связями. После трагической гибели отца – утонул на рыбалке – «тетя Лена», как называл мачеху Игорь, имея на руках двух несовершеннолетних дочерей и пасынка-студента, умудрилась выйти замуж за человека небедного. Потом развелась и открыла свой «Модный дом», делами которого по мере сил нынче занимался и сам Игорь, и его младшие сестры. Такая вот семейная история. Ничего особенного... только слыш-

ком уж много смертей.

Вывернули на Гороховую, свернули. В пробке у Загородного простояли не зря – целовались. Не в полную силу, конечно – за дорогой следить надо, – но...

Но когда поднялись в квартиру, ждать уже не было никаких сил! Без слов поцеловав Ольгу в губы, Игорь снял с нее кофточку, а затем и футболку, покрыл жаркими поцелуями, поласкал плечики, нежную шейку, пупок... Потом расстегнул бюстгальтер, накрыл ртом нежно-розовый трепетный сосочек, поласкал языком, погладил, осторожно зажал между пальцами... а затем расстегнул на возлюбленной шортики, протиснул ладонь к лону, чувствуя настоящий пожар!

Ольга прикрыла глаза и, тихонько застонав, закусил губу... Игорь быстро сбросил с себя всю одежду, подхватил полуголую девушку на руки, возложил на тахту. Стащил, наконец, шорты, а за ними – и кружевные красные трусики, припав языком к нежному естеству...

Оленька застонала еще громче, выгнулась, словно пантера перед прыжком... Игорь накрыл ее тело своим, нежно целуя в губы...

Наверное, соседи слышали громкие стоны... Плевать! Пусть так... пусть будет так хорошо... так славно... так...

– Телефон, – отдышавшись, Ольга раскинулась на тахте, вытянув ноги. – Давно звонит, кстати.

– Блин, нашли время... Впрочем...

Игорь, как был, голый, соскочил с ложа, подобрал валявшийся на полу пиджак, глянул на смартфон:

– Лайма... Ну, как там у вас, сестренка? Что?! Что?! Нет... не может быть... как же так... Слушай, ты держись там, а я сейчас... сейчас буду, да... скоро...

– Что-то случилось? – Оленька приподнялась на постели, с тревогой взглянув на посеревшее лицо возлюбленного. – Что-то плохое, Игорь?

– Лаума погибла, – тихо пробормотал молодой человек. – Упала с какой-то скалы.

* * *

Девчонок так назвал отец, Виктор, а точнее – Викторас – Ранчис. Давно обрусевший и родившийся в «коренной петербургской семье», он никогда не забывал свои литовские корни, хотя иногда признавался, что многое хотел бы забыть. Как бы то ни было, а дочерей он назвал по-литовски. Старшую – Лаума, что значило «небесная колдунья», младшую – Лайма – богиня удачи и судьбы.

На кладбище было малоллюдно. Тетя Лена не хотела видеть никого, кроме самых близких. Правда, пришли студенты – подружки и друзья Лаумы. Все плакали и искренне жалели погибшую. Едва зарыли могилу, пошел дождь, совсем не полетнему холодный, промозглый и нудный. В северной столи-

це так бывает часто. Бывает и снег в июне пойдет – по-всякому, смотря какое лето. Дождь нынче был в тему. Словно вся природа скорбела, плакала.

Поминки устроили в ресторане на Московском, опять же – для близких, но позвали и студентов. Пусть. Игорь с Ольгой подвезли троих, по пути разговаривали. Точнее, говорил один Игорь – расспрашивал о гибели сестры.

– Понимаете, там змея показалась, вот Лаума и... – сопел юный парнишка в свитере и кедах.

– А потом выяснилось, что и не змея это была вовсе, а уж! – подал голос второй студент – белобрысый увалень в синей кургузой курточке и дорогих джинсах. – Да-да, уж, не только я видел. Длинный такой, толстый... но две желтые точки на голове имелись. Я заметил, хоть он и быстро уполз.

Уж...

Что-то в семье было связано с ужами, какое-то предание, Игорь его слышал в детстве, но точно вспомнить не мог. Но что-то такое было – точно. Он спросил тетю Лену, не на поминках, а позже, дня через три.

– Уж? – Елена Васильевна непонимающе моргнула. Черное траурное платье ей очень шло. Сама – брюнетка, плюс черная одежда и тоненькая ниточка серебра на шее. Этакая знатная испанская дама эпохи короля Филиппа Второго. – Уж... Нет, не помню... Хотя...

Неожиданно для себя Игорю вдруг стало неприятно. Слишком уж ухоженно и аристократично выглядела мачеха.

Да – осунувшееся лицо, да – глаза заплаканы, но – тщательно наложенный макияж, опять же платье. Впрочем, Елена часто повторяла, что дама должна всегда оставаться дамой. Держать марку, как она выражалась. Вот и держала, не позволяя себе целиком сорваться в горе. Надо было жить... хотя бы ради Лаймы, ее-то нужно было еще поднимать на ноги, шестнадцать лет всего – школьница.

– Залтис! Да, залтис... Виктор как-то рассказывал. Залтис – по-литовски уж. Не простой уж – священный. Ну, знаешь, из древних языческих времен. Таким ужам, кажется, приносили жертвы.

– Жертвы? – молодой человек покусал губу. – Да, да, теперь и я вспомнил. Отец говорил как-то... когда был немного выпивши. Только не про жертвы... Этот залтис – уж – какое-то знамение, что ли... Не дай бог увидеть его во сне! Во сне... Лауме он вовсе не во сне привиделся.

– Бывают же совпадения, – Елена Васильевна качнула головой и, вытащив сигарету из брошенной на стол пачки, закурила.

Игорь поморщился – сам он недавно бросил, но... Но сейчас не выдержал, закурил, пусть даже и дамские. Настроение было такое... дерьмовое.

– А где Оля твоя? – неожиданно спросила мачеха.

– Домой поехала. Мать навестить... Что с тобой? Тебе нехорошо? Может, таблетку? «Скорую»?

Резко побледнев, женщина тяжело опустилась в кресло.

Помотала головой:

– Нет, нет, не надо таблетки... Лучше коньяка плесни.

Игорь послушно подошел к бару. Вытащил бутылку коньяка, налил, глядя, как сползают по стенкам бокала тяжелые янтарные капли.

– Больше! Полную! Ну.

Полную так полную. Что уж тут скажешь – надо. Молодой человек налил и себе. Молча, не чокаясь, выпили.

– Ты знаешь, кто такой Миндовг? – чуть помолчав, женщина подняла глаза.

– Литовский кунигас, князь, – удивленно отозвался Игорь. – Первый король Литвы... и последний, насколько я помню.

– Все правильно, – Елена Васильевна вздохнула и потянулась к бутылке. – Так вот, Виктор рассказывал, что в их семье было такое предание. Будто бы этот Миндовг за что-то проклял вашего дальнего предка. Наложил проклятье – мол, что все красивые девушки в вашем роду не будут доживать и до восемнадцати лет. Умрут, погибнут. Но прежде – за их душами приползет священный уж – залтис.

– Чушь какая-то, – наливая коньяк, пробормотал аспирант. – Ну, ведь верно же – чушь. Мракобесие.

– Тем не менее в семье многие так вот умирали.

– Многие?

– Виктор об этом почти не рассказывал. Не любил.

Они выпили еще – помянули. Просидели почти до само-

го позднего вечера. Игорь уже собирался к себе, на Кондратьевский, как вдруг из комнаты младшей сестры слышался крик!

— Что? Что случилось? — молодой человек едва не столкнулся с мачехой...

Дверь в комнате Лаймы внезапно распахнулась, и девушка выбежала в коридор, растрепанная, с глазами, широко распахнутыми от ужаса.

— Змея! — прижимаясь к матери, с надрывом промолвила Лайма. — Мне снова приснилась змея. Она звала меня, звала...

— Змея? — обняв дочь, Елена Васильевна успокаивающе погладила ее по плечу и вздрогнула: — А, может, это был уж?

— Может, и уж. Толстый, противный... С такими желтыми пятнышками.

* * *

Отец что-то такое знал, явно знал. Правда, в подробностях никому ничего не рассказывал, отделяясь лишь общими насмешливыми словами о «мрачном семейном предании», известном как «проклятье Миндовга». Эту злую тайну Викторас Ранчис унес с собой в могилу, и теперь сложно было о ней судить. Однако если предание было известно отцу, то, возможно, какие-то сведения о нем сохранились у его родственников в Литве? Отношения, правда, Виктор Ранчис

ни с кем не поддерживал, однако известно было, что его двоюродная сестра, некая Милда Францевна Вилтене, проживала то ли в Вильнюсе, то ли в Каунасе. Наверняка следы ее можно было бы отыскать, хотя бы через справочное бюро. Еще был кто-то в Зарасе, то ли тетка, то ли дядюшка, но тут совсем все было темно, даже имена неизвестны. Отец говорил только, что дядюшка когда-то был мельником... или тетушка – мельничихой. Как-то так...

Игорь все-таки выбил командировку в Тракай и в Вильнюс. Поработать в библиотеке, в архивах знаменитого Тракайского замка. Что-то посмотреть, сравнить – подобрать материалы для будущей диссертации. Руководство пошло навстречу, молодой аспирант числился в ректорате на хорошем счету. Тем более, если бы не отпустили – уехал бы сам по себе, не так уж и далеко тут.

Подготовился молодой человек основательно. Насколько смог. Даже перечитал все старые письма отца, написанные еще матери. Увы, о литовских родственниках там упоминалось довольно скупо. Мол, будучи проездом в Вильнюсе, заглянул к тете Мильде. Та, овдовев, вроде бы как собиралась перебраться в Каунас, там, на окраине города у нее имелся дом. Еще отец писал, что по пути домой заглянул на мельницу близ Зарасая, милого маленького городка, со всех сторон окруженного непроходимыми лесными пущами, в которых, говорят, водились даже зубры!

– Даже зубры водились! Нет, ты слышала?

Повернув на трассу, Игорь прибавил скорость и искоса посмотрел на Ольгу. Возлюбленная все-таки упростила его взять ее с собой, напоирая на то, что в Литве никогда не была и ей было бы очень интересно. Молодой человек подумал... и взял. А что? Вдвоем-то куда веселее, тем более пусть девчонка расслабится после похорон – Лауму она хорошо знала и переживала ее гибель всерьез.

– Говоришь, зубры... – покачав головой, Ольга принялась наматывать на палец локон – была у нее такая забавная привычка, когда понервничает или задумается о чем-нибудь.

Девчонке, кстати, тоже еще не было восемнадцати; первый курс любого вуза это, в принципе, детский сад. Почти одно и то же.

– Зубры – зубрами, а как бы не встретить никого пострашней, – Оленька зябко повела плечиками. – Какие-то меня предчувствия терзают. Грустные.

– Мне тоже невесело, – Игорь включил магнитолау, поискать какой-нибудь джаз. Майлза Дэвиса или Луи Армстронга – как раз бы под настроение.

Наш герой всегда считался человеком серьезным. Даже в подростковом возрасте его никогда не оставляло чувство старшего брата, этакой взрослости, обязательности, что ли. Он всегда выглядел взросло, и молодежные прикиды напроць не переносил, особенно – музыку, всякий там рэп и

прочее. Под влиянием мачехи с детства еще обожал джаз и даже классический рок, но рок сейчас был бы не в тему. Да и Олик... Что и сказать – подружка Игоря джаз не переносила, предпочитая музыку веселую, танцевальную. Это потому что молодая еще, даже можно сказать – юная. Одним словом – детский сад.

Они ехали через Псков, через эстонскую границу. Затем – кусочек Эстонии, Латвия – Даугавпилс, и вот уже пресловутый Зарасай – Литва. Заезжать в город Игорь не стал, в конце концов со времен поездки отца немало воды утекло. Вряд ли сохранились и мельница, и мельник с мельничихой. Померли давно все. Куда больше надежд молодой аспирант возлагал на две литовские столицы – Каунас и Вильнюс. Через литовские группы в соцсетях он уже примерно прояснил адреса.

– Интересно как – две столицы, – Олик, наконец, растянула губки в слабом подобии улыбки. – Как у нас – Москва и Петербург.

– Ну, не совсем так... – отличавшийся дотошностью Игорь все же счел уместным кое-что пояснить. – Вильнюс, Вильно – древняя столица, а Каунас – временная. В двадцатые годы была, до войны еще.

– Историю Прибалтики я как-то не очень, – честно призналась девчонка. – Другое дело – древний мир! Хочешь, расскажу тебе про Египет? Про Рамзеса Второго или Аменхотепа Четвертого?

– Который Эхнатон?

– Который Эхнатон.

Вспомнив полузабытую древнюю историю, молодой человек невольно улыбнулся и покачал головой:

– Как-нибудь в другой раз, милая. Ладно?

– Как скажешь. Вообще, я просто так предложила. Лишь бы тебя разговором занять.

Ольга хмыкнула и, потянувшись, неожиданно предложила:

– А не остановиться ли нам где-нибудь перекусить? Правду сказать – умираю с голоду, да!

– У, как. Ну, тогда сейчас поеди-им.

– Только цепелины не заказывай, ладно? Лучше в хлебной тарелочке суп.

Они приехали в Вильнюс вечером. Оставив «Ситроен» на отельной парковке, поселились в гостинице на площади прямо напротив вокзала, совсем недалеко от Старого города и знаменитых ворот Зари – Аушрос. Так же и улица там называлась – Аушрос Варту, восхитительная старинная улочка, мощенная брусчаткой. А вокруг – храмы, храмы, храмы...

– Завтра все посмотрим, – распаковывая чемодан, заявил молодой человек. – А самое главное – дело сделаем. Отыщем хоть что-нибудь. Если повезет, конечно.

Они даже не занялись как следует сексом – настолько оба устали, путь-то неблизкий. Так, скорей, ритуально помило-

вались, потом сразу в душ – и спать. Правда, перед сном все же поговорили, и на это раз инициативу взяла Оленька. Она вообще была девушкой любопытной.

– Так в этом вашем старинном предании есть большая доля правды? Ты правда так считаешь, Игорек, а? Все эти средневековые короли, проклятья, ужи... Ну ведь – неужели правда?

– Может, и неправда, – тихо отозвался аспирант. – Но, ты знаешь, я очень боюсь за Лайму. Она ведь теперь у меня одна... ну, не считая тебя, естественно. И эти ее сны об ужах меня, признаться, очень сильно нервируют!

– Какие сны? – выйдя из ванной комнаты, девушка натянула футболку. – Ты мне ничего не рассказывал.

– Так вот, говорю, – повел плечом Игорь. – Ей недавно приснился уж. Все, как в предании. Предвестник смерти, ага.

– Уж приснился... ужас какой.

– Вот и я говорю, ужас.

Обняв прильнувшую к нему девушку, молодой человек погладил ее по спине и так же тихо продолжил:

– Я не верю во все это, ты знаешь. Не верил... Но если от этого чертова предания исходит хоть малейшая опасность для моей семьи, я должен во всем разобраться. Обязательно разобраться, и чем скорее, тем лучше.

Сквозь не задернутое шторами окно мерцали огни вокзала. Пахло сиренью, что росла тут же, рядом, в небольшом сквере. Прямо под окнами проносились по улице такси, что-

то веселое кричала проходившая мимо молодежь, а где-то вдалеке вдруг всплыл звук полицейской сирены.

* * *

Первый адрес – улица Майроне – располагался прямо напротив костела Святой Анны и монастыря бернардинцев. Изысканный краснокирпичный костел, возведенный во времена поздней готики, привлек самое искреннее внимание Ольги. Девушка даже задержалась, фотографируя здание с разных сторон.

– Ну, пойдем уже, – не выдержал Игорь. – Долго ты.

Оленька махнуа рукой на пару автомобилей:

– Так вон те черти припарковались не вовремя. Весь вид испортили.

– Потом доснимаешь, ладно?

Взяв девчонку за руку, Игорь перевел ее через улицу к нужному дому. Трехэтажный, вытянутый в длину, с облупившейся кое-где штукатуркой, он чем-то напоминал старинную шкатулку с секретом. Ведущая в подъезд дверь оказалась запертой на кодовый замок, однако искателям сразу же повезло – не успели они подойти, как из дома вышла престарелая тетушка в сером летнем плаще и модной шляпке.

– Лабас ритас! Здравствуйте! – быстро поздоровался Игорь. – Можно вас спросить кой о чем?

Тетушка отнеслась к вопросам весьма благосклонно, вид-

но, ей понравились вежливые и симпатичные молодые люди. Она даже вспомнила свою бывшую соседку:

– Милда Вилтене? Ну да, да, жила такая. Постойте-ка... дай бог памяти... году в восемьдесят пятом. Жила, но потом уехала. А после нее в той квартире старый Исаак Шмольдер жил, ювелир, а после – Ядвига Бруновна. Она и сейчас там живет, моя подружка.

– А Милда Францевна, не подскажете, куда уехала?

– Ой, не подскажу... Хотя... Кажется, в Каунас. Да-да, в Каунас. Она говорила, что у нее там дом.

Поблагодарив старушку за сведения, влюбленная парочка уселась в авто и подалась обратно в гостиницу. Правда, по пути Ольге все же удалось уговорить возлюбленного остановиться напротив ворот Зари.

– Мы только глянем на Старый город, ага? Ну, пожалуйста. Совсем чуть-чуть. Быстро.

– Хорошо, – сдался Игорь. – Только вот по этой улице – и назад. Нам еще в Каунас ехать.

Брусчатка под ногами, часовня со знаменитой иконой, храмы и многочисленные лавки, в том числе и магазин грампластинок в небольшом подвальчике. Оленька остановилась, глянула на витрину... И вдруг резко обернулась, словно увидела кого-то знакомого.

– Ты что? – Игорь удивленно моргнул. – Узнала кого?

– Да нет... так... показалось... Ну, что – едем?

– Конечно, едем. Давно пора.

Ночевать в Каунасе искатели вовсе не собирались, а потому не резервировали никаких гостиниц, и время на осмотр памятников старины не тратили. Сразу вбили в навигатор нужную улицу – и приехали напрямик туда. Улочка оказалась маленькой, кривой и горбатой. Сплошь застроенная старинными домиками, она спускалась к величаво текущему Неману, выходя на заросший желтоватыми кустами ольхи берег. Оттуда, если бы не кусты, открывался великолепнейший вид... Впрочем, невольным гостям города нынче было не до видов.

Дом Милды Вилтене они отыскиали быстро, только вот беда, он оказался разрушенным. Давно провалилась крыша, почернели стропила, и черные провалы окон угрюмо смотрели на мир, словно бы вспоминая свою загубленную кем-то молодость. Другие – соседние – дома выглядели немногим лучше.

– Ну, в них хотя бы живут... в некоторых, – тихо протянул Игорь. – А ты думала, и здесь, как в Вильнюсе, выйдет?

– Ничего я такого не думала, чес-слово, – девушка мотнула головой, словно игривый жеребенок на водопое. Светло-русые локоны ее растеклись по плечам мягким золотом, в синих глазищах сверкали задорные желтые искорки.

– Сейчас по всем домикам пройдемся, ага. Ну, где жи-

вут... Ой...

Ольга вдруг сделалась серьезной и посмотрела вдаль, в конец улицы, где только что промелькнула какая-то автомашина.

– Опять что-то показалось? – усмехнулся молодой человек. – Ну, пошли уже. Давай хотя бы, для начала – в этот.

Калитку открыли не сразу, пришлось долго нажимать кнопку звонка. Вышедший из дому дядечка видом напоминал угрюмого сельского кулака, каким подобных персонажей изображали на довоенных советских плакатах. Круглое, заросшее густой рыжей щетиной лицо, нос приплюснутой картошкой, маленькие пороссячи глазки. Одет соответственно – широкие, заправленные в сапоги штаны и телогрейка-безрукавка. Только вместо зипуна или толстовки – застиранная футболка с рекламой какого-то пива. Для полноты картины не хватало только обреза!

Тип сразу принялся говорить по-литовски, по всей видимости – ругался, сетуя на то, что его, мол, оторвали от какого-то дела, да и вообще – шлѳются тут всякие, добрым людям отдыхать мешают.

Игорю все же удалось вставить слово, правда, «кулак» его не дослушал, а вот Ольге неожиданно улыбнулся, точнее сказать – осклабился. Мало того, даже соизволил ответить. С сильным таким прибалтийским акцентом, больше похожим, скорей, на эстонский, нежели на литовский.

– Не знаю ник-как-кой Вил-те-не... Во-он в том доме

спроси-ите. Мошет, там знают.

Что ж, спасибо и на том. Показал-таки, черт гунявый. Показал и сразу ушел... хотя нет, только повернулся, а потом припал к ограде – все пялился на Ольгу, больно уж сексуально она выглядела в узеньких рваных джинсах и красной короткой маечке.

– Надо было мне одной зайти, – едва отошли, пошутила девушка. – Больше бы узнала.

– Ага... у этакой-то кулацкой морды?

Перед соседним домом, за невысоким забором, располагался густой палисадник. Кусты смородины, крыжовника и малины. Сливы, пара яблонь. Видно было, что за садом ухаживают. Кусты и деревья были подстрижены и подвязаны, скамеечка перед крыльцом аккуратно покрашена желтой краской. Да и дом ремонтировался – похоже, что перекрывали крышу.

На стук в дверь к незванным гостям вышел заспанный мальчишка в зеленых холщовых шортах. Белобрысый, уже успевший загореть, он смачно зевнул и, почесав расцарапанный живот, широко улыбнулся:

– Лабас ритас! Вы, верно, за молоком? Так я сейчас... Подождите... А можете и в дом зайти.

Парнишка тоже говорил с акцентом, только куда более дружелюбно, даже, можно сказать, весело.

– Милый какой паренек, – Ольга улыбнулась. – Ну, пошли,

зайдем, что ли?

Не дожидаясь своего спутника, девушка шустро поднялась на крыльцо:

– Меня Ольга зовут.

– А я – Арунас.

– Нам молока не надо, Арунас. Мы спросить хотим, – Ольга перешла на английский – чтоб поспособствовать большему пониманию. Впрочем, английскую речь Арунас тоже знал плоховато, примерно как и русскую.

– Ну... спросите, – парнишка почесал за ухом и гостеприимно пригласил в дом. – Заходите же, да.

Юный хозяин даже угостил гостей кофе! Правда, растворимым, но вкусным. При этом все время говорил. Рассказывал про школу, про каких-то своих приятелей, про футбол, про родителей, которые сейчас на работе, но держат корову и козу. При этом щедро мешал русскую речь с литовской, причем явно в пользу последней. При всей своей словоохотливости о Милде Вилтене Арунас ничего не сообщил – такой не знал.

Не знать-то не знал, однако после наводящих Ольгиных вопросов все же вспомнил какую-то бабушку, которая умерла лет десять назад, и вот, после ее смерти, его родители и купили этот дом.

– Не у самой бабушки купили, она же умерла уже, – резонно пояснил мальчишка. – Брат ее приезжал или кто-то. Из Зарасая, с мельницы.

– С мельницы?

– Да-да... Кое-какие вещи забрал, а мебель нам оставил.

Но мы другую купили. Та была старая.

Итак – мельница, Зарасай.

Уходя, Игорь хмыкнул:

– Вернулись к тому, с чего могли бы начать. Зарасай-то мы еще вчера проезжали.

– Ну, так и теперь – по пути, – повела плечиком Оленька. – Все равно ведь потом домой поедем.

– Да, домой...

– Постой-ка!

Девушка резко остановилась, едва только распахнула ка-литку.

– Видишь вон ту машину? Ну, вон же, торчит за углом, коричневая такая, старая.

– Машина как машина, – хмыкнул молодой человек. – Ты права – старая. «Ауди-восемьдесятка». Она же – «селедка», она же «бочка». Как только ни называли! Но хорошая была.

– Так вот – эта «бочка» за нами следит! – Ольга потеребила локоны и добавила: – Между прочим, с утра еще. С Вильнюса. Вот, смотри!

Вытащив телефон, девушка показала возлюбленному фотографию, как раз сегодняшним утром и сделанную. На фоне костела Святой Анны как раз и виднелась коричневая «ауди». Стояла в числе прочих авто.

Как и положено ученым, молодой аспирант воспринял по-

лученную информацию весьма скептически.

– И что с того? Мало ли таких машин? Да полным полно, я тебя уверяю. Сама-то подумай! Ну, кому нужно за нами следить?

– А я вот сейчас подойду и узнаю! – покусав губу, решительно заявила Оленька. – Прямо так и спрошу.

– Не у кого уже, – Игорь спрятал улыбку: «ауди» вдруг завелась и отъехала, скрываясь за углом.

– Он просто нас заметил и уехал, – Ольга все-таки отличалась завидным упрямством. – Кстати, в Старом городе за нами тоже следили.

– Ну, там-то никаких машин не было!

– Зато водитель был! Противный такой, фу. Вот увидишь, эта машина еще и сейчас за нами поедет. В Зарасай! Спорим?

– Посмотрим.

Спорить Игорь не стал, никогда не имел такой глупой привычки. Просто усадил подружку в машину, запустил двигатель и, выехав со старой улочки на широкий проспект, резко прибавил скорость.

– В-вот она! – Оленька азартно хлопнула в ладоши. – Что я говорила?

Коричневая «восьмидесятка» и в самом деле на дороге была. Только она вовсе не преследовала белый «Ситроен» Игоря. Наоборот, проскочила навстречу.

– Ну и? Она за нами в Зарасай едет? Что-то не очень-

то похоже, ага, – прибавляя скорость, молодой человек откровенно рассмеялся и причмокнул губами. – Эх, надо было все-таки с тобой поспорить. На десять отжиманий. Смогла бы?

– Да хоть на двадцать пять! – запальчиво откликнулась девушка. – Я, знаешь, какая выносливая?

* * *

Мельницу близ Зарасая путники нашли быстро. Указателей в городе было хоть отбавляй. Правда, Игоря это почему-то не радовало.

– Видать, туристское место, – сворачивая под указатель, разочарованно протянул молодой человек. – Вряд ли мы там что-то узнаем.

– А, может, и узнаем, – несмотря ни на что, Ольга редко падала духом, что очень нравилось ее потенциальному жениху. – Поедем да спросим. Чего зря гадать-то?

И правда – чего зря гадать?

Мельница стояла на небольшой речке, берега которой густо поросли ольхой и вербой. Игорь оказался прав – невдалеке, на поворотке, притулился большой туристский автобус, судя по номерам – из Санкт-Петербурга.

– Смотри-ка, земляки, – покривил губы молодой человек. – Придется подождать с расспросами. Хозяева наверня-

ка заняты.

– Подождем, – выйдя из машины, Оленька потянулась. – Как здесь хорошо, а! Во-он на ту лужайку пошли. Позагораем.

Позагорать, однако же, не пришлось. Показавшаяся с мельницы толпа – человек тридцать – гомоня, потянулась к автобусу.

– Ну, слава те, господи, – хмыкнул Игорь. – Хоть ждать не надо.

Внутри мельницы сильно пахло мукой. Поскрипывая, крутились какие-то жернова, подъемники, вообще было видно, что люди здесь заняты делом. Трое молодых парней таскали какие-то мешки, ссыпая зерно в лотки и не обращая никакого внимания на визитеров.

– Здравствуйте! – чихнув, громко поздоровалась Ольга. – А кто тут хозяин?

– Здравствуйте! – один из парней оторвался от работы и подошел к гостям. – Я – Петрас, хозяин.

– Игорь.

– Ольга.

– Озимые привезли помолоть?

Ага... озимые. На «Ситроене». Однако хозяин-то шутник.

Петрас совсем не походил на мельника. Молодой – наверное, ровесник Игоря – подтянутый, стильный. Ему б в офи-

се сидеть, а не здесь, на мельнице, с мешками... По-русски, кстати, молодой мельник говорил отлично.

– Милда Вилтене? Нет, не знаю. Но подождите... Здесь был старый хозяин, дед. Он умер уже, но вещи от него остались. Знаете, мы с женой хотим сделать музей старого быта, вот и не выбросили ничего. Если так хотите, так пойдемте в дом, посмотрите.

Игорь не признался бы в этом даже самому себе, но ощутил большое волнение, когда взял в руки старинную шкатулку давно умершей Милды Францевны Вилтене, дальней своей родственницы по отцу. Отчего-то он почувствовал вдруг, что шкатулка эта – именно то, что нужно, что они с Ольгой искали.

Старые фотографии, письма, тетрадь в синей коленкоровой обложке. К сожалению, и письма и тетрадь отсырели, так что далеко не везде можно было что-то прочесть. И все же кое-что можно было...

– Может, яичницу, чаю?

– А пожалуй!

– Я сейчас скажу жене.

Усевшись за стол, Игорь сунул Ольге письма, сам же принялся лихорадочно листать тетрадь.

– Ну, вот оно! – воскликнул он почти сразу. – Вот же...

– Читай!

– ...предание действует, проклятье короля Миндовга ис-

полняется в точности... Дальше по-литовски...

– И что? – Оленька тут же вскочила. – Петрас, вы бы не могли нам помочь?

– Тут пишется о кунигасе Миндаугасе, – глянув, перевел мельник. – Если хотите, то дословно вот так... «Велением Пикуолиса пошлют залтиса и криве-жреца. Чтобы показать, что пришло время умирать. Восемнадцать – предел, и больше нет жизни ни одной»... Дальше современное – опасайтесь секты... и по-русски – сами смотрите.

По-русски было мало. Только слова «опасайтесь секты и жрецов», а дальше все размыто и тронутو плесенью.

– Да уж, прояснили, – захлопнув тетрадь, разочарованно протянул Игорь. – Что ж, осталось только поесть яичницы, да... Эй, ты куда?

Вскочив на ноги, Ольга вдруг бросилась к окну. Глянула, оглянулась и, махнув Игорю рукой, побежала к выходу.

– Да что там такое? – молодой человек рванул вслед. – Опять «ауди» увидела?

– Типа да, – Оленька тяжело дышала, упругая грудь ее тяжело вздымалась под маечкой, так, что угадывались соски. – Опять тот хмырь. Следит! Вон-вон, меня увидел – отвернулся.

– Так давай подойдем?

– Убежит!

– А мы незаметно! Мельницу обойдем да подберемся.

Игорь и сам почувствовал азарт, ну не будет же Ольга

говорить зря, причем так навязчиво. Хотя... всякое может быть. Может, опять показалось?

– Высокий такой парень, худой, в серой куртке, – на ходу твердо промолвила девушка. – Лицо неприятное, мосластое и вытянутое, как у лошади. Волосы длинные, темные. Да, он, кажется, лопоух. Но из-под волос не очень видно... Вот он! Стоит! А ну-ка...

Подозрительный парень, действительно – длинноволосый и в серой куртке – стоял на небольших мосточках и внимательно наблюдал за мельничным водяным колесом. Вернее, делал вид, что наблюдал, будто бы очень интересно ему было. Место выбрал плохое – в случае чего никуда не убежишь, не денешься, разве только прыгнуть в реку. Течение там бурное, холодное, да камни еще...

– Здравствуйте, – вступив на мостки, громко крикнула Ольга. – Вы зачем за нами следите?

Парень испуганно обернулся... Неприятное, какое-то лошадиное, лицо... да, уши, кажется, оттопыренные... как Ольга и говорила.

– Здравствуйте, – незнакомец вдруг улыбнулся. – Я не слежу... То есть – слежу. Я хотел бы кое-что вам предложить. Не за бесплатно, конечно.

– Так говорите! – тут же предложил аспирант. – Мы заплатим, не сомневайтесь. Если правда, дело того стоит.

– Стоит, – уверенно кивнув, мосластый сверкнул глазами. – Я знаю того, кто может снять заклятье Миндаугаса.

Парень – звали его Йомантас – согласился устроить встречу «со знающим лицом» за двести евро. Игорь согласился, но настоял, чтобы передать деньги уже после встречи, на что новый знакомец согласился довольно легко, хотя, судя по его манерам и виду, был все же человеком тяжелым.

– Тут вот какое дело, – объяснял Йомантас, сидя со всей компанией в придорожном кафе по дороге на Утену. – Тот человек, о котором я говорю, он криве – языческий жрец. Ну, вы же сами выходили в сети на группу «Новое литовское язычество». Я, кстати, там ваши вопросы и увидел, даже гостиницу присоветовал – помните?

– Да, да, – отпив кофе, припомнил Игорь. – Этот отель многие советовали.

– Я вас там и нашел, – мосластый самодовольно сложил руки на животе. – Хотел там еще поговорить, да уж больно быстро вы уехали. Еле догнал!

– Чего же сразу, в сети, сообщение не оставили? – пригладив волосы рукой, поинтересовалась Ольга. – Могли бы и в личку написать.

Собеседник виновато развел руками:

– Хотел, но... Как-то поздновато сообразил. Да еще и жреца отыскать нужно было.

Парень вдруг улыбнулся. Улыбка у него неожиданно ока-

залась очень обаятельной и приятной, какой-то солнечной, светлой, какие случаются иногда даже у самых некрасивых на первый взгляд людей.

– Так вот. Завтра – двадцать второе июня. В ночь на двадцать третье – большой праздник, Ионинеса или Росос. У вас называют – день Ивана Купалы. Будут жечь костры, водить хороводы. Там будет и криве – жрец. Тот, кто вам нужен. Раньше не приедет, нет, уж подождите до завтрашней ночи. Есть, где остановиться?

– А где будет праздник? – уточнил молодой человек.

– В священной дубраве недалеко от Утены, – охотно пояснил Йомантас. – На земле древнего Нальшанского княжества.

По совету нового знакомого гости остановились в придорожном мотеле, как раз на выезде из Утены, и это им еще повезло: в преддверье праздника все гостиницы в округе были заняты напрочь. Именно к Ионинесу был приурочен фольклорный фестиваль – выступление всяческих народных коллективов, хоров и даже музыкальных групп, играющих весьма популярный в Литве фолк-рок.

– О, чего только вы там ни увидите! – расписывал будущее празднество хозяин отеля, седоусый толстяк с черными цыганистыми глазами. – Все самое интересное – ближе к ночи. И девушки будут прыгать через костры... между прочим, голыми. И жертвоприношение увидите.

– Что, прямо так вот возьмут да и принесут кого-нибудь в жертву? – изумилась Ольга. – По-настоящему?

– Конечно, по-настоящему, а вы как думали? – сказав, хозяин тут же расхохотался. – Ну, нет, конечно. Просто соломенное чучело сожгут.

– Как у нас на Масленицу?

– У нас тоже Масленица есть! Ужгавенес называется, – охотно пояснил трактирщик. – Целая неделя радости и праздников! Между прочим – древний языческий праздник, знаменующий начало весны.

Игорь покачал головой и вскользь заметил, что, на его взгляд, язычество очень популярно в современной Литве.

– Конечно, популярно! – снова рассмеялся хозяин. – Можно сказать – бренд. Особенно здесь. В Утене, в Зарасе.

Утром влюбленных разбудил телефонный звонок. Как и договаривались, звонил Йомантас. Пожелал доброго утра, поздравил с праздником и, как бы между прочим, сообщил, что нужный гость криве обязательно будет. Как и обещал – к ночи.

– Встретимся в дубовой роще у жертвенника. Наш криве там будет за главного! Я позвоню, вы не теряйтесь.

– В роще так в роще, – положив смартфон на стол, Игорь отправился в ванную, откуда выгнал Ольгу, уже с полчаса отмокающую под душем после бурного утреннего секса.

– Иди-иди уже. И так чистая, аж скрипишь.

Для придания ускорения Игорь хлопнул девчонку по мокрой попке и, получив в ответ недовольный вопль, приступил к водным процедурам.

Праздник чувствовался еще издали. Большая поляна недалеко от дубравы была целиком заставлена авто- и мототранспортом. Тут и там виднелись красочные плакаты и баннеры с поздравлениями. Вдоль дороги и на опушке растянулись лотки с сувенирами, местной медовухой и пивом. Рядом, на небольшой сцене, играл симпатичный фольклорный ансамбль. Лумзделис – пастушеская флейта, из черешни, осины или ивы, деревянные колокольчики с трещотками – скарбалай, пара свирелей и почему-то – гитара, наверное, для придания ритма.

Выпив по кружечке великолепного темного пива, влюбленные направились к большой сцене, располагавшейся недалеко от бензоколонки. Там уже вовсю торговали какими-то пирогами, блинами и ржаными лепешками с соусом из сметаны и сала.

– Тут пару деньков побудешь – как корова станешь! – Оленька погладила себя по животику и засмеялась. – Сколько всякой вкусной еды. Объемся, растолстею... и ты меня бросишь.

– Ты растолстеешь? Ага...

Обняв девушку, Игорь поцеловал ее в губы, чувствуя все более нарастающее желание. Тем более Оленька-то была оде-

та очень легко, даже можно сказать – почти не одета, всего лишь короткие шортики и топик. Так обычно любят ходить все юные и стройные девушки, причем не только в жару.

Взявшись за руки, влюбленные побеждали на луг, просторный, усыпанный сладким клевером, ромашками и васильками, напоенный пряным запахом трав. Сорвав с себя топик, Оленька мягко упала в траву. Игорь повалился следом, принялся целовать девушке грудь, запустил руки в шортики... И вот уже молодые тела слились в едином порыве, и только солнце с завистью смотрело на них, стыдливо прикрываясь облаками.

* * *

Йомантас позвонил вечером, когда на просторной поляне близ АЗС уже начинала грохотать какая-то местная рок-группа, так что Игорь отозвался далеко не сразу.

– Ну, вы где там застряли? – в голосе нового знакомого скользнуло явное облегчение. – Я уж думал, уехали.

– Да нет, не уехали, – молодой человек взял Оленьку за руку, и влюбленные зашагали подальше от сцены. – Тем более вы обещали...

– Да-да, криве уже здесь. Он согласен поговорить, но... сначала вы должны участвовать в обряде.

– В каком еще обряде?

– Там увидите.

Парень назначил встречу на бензоколонке, и молодые люди еще издали заметили его коричневую «ауди». Завидев гостей, Йомантас выбрался из кабины и радостно замахал рукою.

– Ну, как, понравилось все?

Ольга повела плечом:

– Да ничего так-то.

– Сейчас еще интереснее будет! – азартно сверкнув глазами, заверил мосластый. – Сейчас, к ночи-то, все и начнется. Ну, что – пошли?

– Пошли. А что за обряд-то?

– Там увидите.

Йомантас негромко засмеялся и направился к узенькой тропке, тянувшейся меж высоких трав и цветов к лесу, видневшемуся километрах в двух. Следуя за своим проводником, влюбленные невольно любовались раскинувшейся вокруг красотой. Густая изумрудно-зеленая, с синими вкраплениями васильков, трава перемежалась свежескошенной стерниной со стогами и копнами. Свежескошенное сено пахло так одуряюще, что Оленька даже замедлила шаг и, закрыв глаза, втянула носом воздух. Так, словно бы собиралась его пить... или даже есть ложками.

Лес оказался невероятно красивым и каким-то загадочным, древним. Тянулись к небу высокие сосны и ели, густой подлесок все еще был влажным после вчерашнего до-

жда, хотя сегодня весь день напролет жарило солнце. Золотились светлыми ветками липы, опушки густо поросли ольхой, орешником и малиной, могучие вековые дубы царапали кронами небо. Солнце еще только садилось, но здесь, в пуще, уже было темно, таинственно и прохладно.

Ольга поежилась:

– Надо было кофту взять.

– Ничего, – обернулся Йомантас. – Скоро согреетесь – обещаю.

Неприметная тропинка вилась меж деревьями, и было не очень понятно, как проводник умудрялся ее находить? Этот мосластый парень, как видно, хорошо знал здешнюю пущу – ни разу не останавливался, не всматривался, даже шага не замедлял, шел себе и шел, уверенной и твердой походкой. Как у себя дома. Так он ведь и был дома, если вдуматься.

Сколько они так шли, Игорь не мог бы сказать – на часы не смотрел. Может быть, минут двадцать, а, может, и час. Как бы то ни было, а вскоре впереди, за деревьями вдруг посветлело. Запрыгали по стволам и вершинам оранжевые отблески костров, слышались протяжные песни и музыка. Кто-то играл на свирели... или на местной флейте.

Музыка показалась Игорю довольно однообразной и довольно навязчивой. Даже можно сказать – тревожной. Впрочем, ее быстро перебил громкий девичий смех!

– Пришли, – обернулся Йомантас.

– Да мы догадались.

Прямо посреди большой поляны, куда проводник привел гостей, рос огромный дуб. С толстенным узловатым стволом в десять обхватов, с огромными корявыми ветками, это был дуб-патриарх, дуб-покровитель, защитник всего этого леса. Вокруг дуба жарко горели костры. Девушки в длинных белых платьях и с распущенными по плечам волосами водили хороводы и пели. Здесь же, рядом, располагались и музыканты – четверо довольно мрачных парней в черных длинных одеждах. Все они играли на каких-то странных деревянных трубах, издававших на редкость монотонные и унылые звуки, чем-то напоминающие волынку.

– Рагас, – заметив интерес гостей, пояснил Йомантас. – Когда-то использовалась как сигнальный инструмент. Также подходит и для совершения магических обрядов.

– Так мы в каком будем участвовать? И как бы поскорее встретиться с...

– Да расслабьтесь вы. Встретитесь! – невежливо перебив, отмахнулся мосластый. – Вон, пойдите пока... А я должен все подготовить.

– Что подготовить?

Йомантас не ответил – ушел. Исчез в зарослях орешника и ольхи, начинавшихся сразу за дубом.

– Там что-то есть, – присмотрелся Игорь. – Какое-то строение. Сарай, что ли...

– Ой, не нравится что-то мне этот Йомантас, – взяв воз-

любленного за руку, негромко промолвила Ольга. – Странный он какой-то. Да и все здесь.

– Язычники, что ты хочешь? – успокаивающе погладив девушку по плечу, молодой человек расхохотался. – Ну, пойдем... Там, кажется, весело. Вон, народу-то!

На поляне и в самом деле становилось довольнолюдно. Прибывшие выглядели, в общем, обычно – джинсы, шорты, куртки, однако у каждого – и у каждой – был либо веночек, либо какие-то фенечки, сплетенные из коры.

– Надо было и нам купить, – спохватилась Оленька. – Я же хотела.

– Чего же не взяла?

– Забыла. Ой, там, кажется, через костры прыгают!

Так и было. Прыгали. Взявшись за руки, через всю поляну разбежались молодые пары и, подпрыгнув, пролетали, озаренные дрожащим желтым пламенем.

– Давай и мы!

Игорь не стал возражать. Взявшись за руки, влюбленные пристроились за двумя парочками...

Вот побежали одни... Прыгнули! За ним – другие...

Молодые люди переглянулись, улыбнулись...

И бросились к костру, ускоряя бег... Разом, одновременно, прыгнули, чувствуя жар костра...

Их встретили аплодисментами, кто-то протянул Ольге веночек...

– Теперь нужно в реку, – улыбаясь, сообщила какая-то де-

вушка. – Обязательно в реку. Идем!

Милый акцент, милое личико. Рваные на коленках джинсики, майка с эмблемой какого-то клуба, распущенные волосы, венок из васильков.

– Меня зовут Гинтаре.

– Оля. А это – Игорь, мой...

Гинтаре засмеялась, сверкнула большими чудными глазами, карими, с желтыми звездочками костров, и снова позвала:

– Идемте.

Видно, у нее нынче не было пары, а втроем все же веселей.

Широкая тропа, начинавшаяся почти сразу от дуба, ныряя в чащу, полого спускалась вниз, к неширокой речке с обрывистыми берегами, поросшими камышами и рогозом. Все шли туда, вся молодежь, парни и девушки, парочками и просто компаниями. Кто-то что-то рассказывал, кругом звучал веселый смех, где-то позади вдруг запели песню, а впереди слышался плеск воды и довольный девичий визг!

– А давайте с разбега! – предложила Гинтаре. – Вода-то холодная, да.

Ничуть не стесняясь, девушка проворно стянула с себя джинсы, сняла футболку, бюстгальтер и трусики. Обернулась, огля озорным взглядом:

– Ну? Чего ждете-то?

Здесь никто никого не стеснялся. Все так и прыгали в реку – голыми. Поднимали тучи брызг, выбирались на берег,

смелись, пили вино.

Переглянувшись, влюбленные тоже сбросили с себя всю одежду и, взявшись за руки, побежали к реке следом за новой знакомой. Так, с обрыва, и прыгнули...

– Ай!

С непривычки-то показалось, что «Ай!», но на самом деле вода-то оказалась вовсе не такой уж холодной. Игорь даже немного поплавал, правда – узковато было, мелко, а самое главное –людно! Словно в каком-нибудь популярном аквапарке в выходной день.

– Здорово, правда? – нагая литовская фея – Гинтаре – откуда-то принесла початую бутылку вина. – Будете? Стаканов, правда, нет...

– Ничего, мы так, из горлышка.

Сверху сверкали звезды, и золотистая луна отражалась в реке, освещая нагие тела. Таинственный лес уже больше не казался угрюмым, Игорь и Ольга в обнимку сидели на траве, рядом примостилась Гинтаре...

– Скоро рассвет, – сделав последний глоток, с сожалением промолвила кареглазая литовская фея. – Кончится всё. Жаль!

– И нам жаль, – улыбнулась Ольга. – Здорово здесь. Круто.

Где-то на поляне громко затрубил рог. Все тут же принялись собираться – вытирались, натягивали на себя одежду, наскоро допивали вино.

– Пора, – Гинтаре поднялась на ноги и улыбнулась.

– Рада знакомству.

– И мы.

Поляна заметно редела, уже погасли костры, остался лишь один, у орешника. Народ не спеша расходился, музыканты тоже ушли, прихватив с собой свои странные инструменты. Гинтаре тоже куда-то делась, исчезла, растворилась в толпе... Игорь покрутил головой... и наткнулся на Йомантаса.

– Идите за мной, – негромко промолвил парень и, не дожидаясь ответа, зашагал к орешнику.

Там и впрямь располагалось какое-то загадочное строение, вернее сказать – полукругом вкопанные в землю колья, этакий частокол, скрывающий что-то от слишком любопытных взглядов.

Внезапно поднялся ветер, лес зашумел, и Ольга зябко поежилась, крепче сжав ладонь возлюбленного.

Следом за Йомантасом влюбленные прошли через ворота, оказавшись в полукруге из кольев. Посредине ровно горел костер, вокруг которого виднелись какие-то резные столбы...

– Идолы, – шепнул Игорь. – Местные языческие боги.

Внутри было человек двадцать. Девушки в белых одеждах, молодые люди в накидках цвета весенней листвы и еще какой-то старик. Еще довольно крепкий, с морщинистым темным лицом и горящим взором, он и в самом деле походил на языческого жреца, как их представлял себе молодой

аспирант. Темно-зеленая накидка, мощные узловатые руки, седая грива волос, перевязанная на лбу узким кожаным ремешком. Наверное, это и был тот самый криве.

– Угощайтесь, – подведя влюбленных к костру, Йомантас зачерпнул половником какое-то варево из стоявшего на земле котла.

– Пейте-пейте, – неожиданно улыбнулся старик. – Это древний напиток из меда и трав.

Напиток оказался приятным на вкус и, похоже, хмельным, и весьма! Сделав несколько глотков, Игорь почувствовал, как перед глазами все резко поплыло. Он хотел что-то сказать, но не поворачивался язык, хотел уйти – но ноги не слушались. То же самое происходило и с Ольгой. Девушка пошатнулась и наверняка упала бы, кабы ее тотчас же не подхватили на руки парни в травянисто-зеленых плащах. Подхватили и принялись раздевать! Сняли и футболку, и шортики, всё...

То же самое проделали и с Игорем. Только уже не парни, а девушки, нагие феи литовских лесов. Зачем они разделись? Ах, наверное, это уже начинался обещанный Йомантасом обряд...

Молодой человек не мог сопротивляться, но пытался хоть что-то соображать, что было довольно трудно. Перед глазами все дрожало и плыло, мысли путались и никак не могли собраться в кучу. Он чувствовал, как феи подняли его, понесли... прикрутили веревками к вкопанному в землю стол-

бу. Напротив, среди идолов, торчал еще один столб – к нему привязали Ольгу.

Парни мерно захлопали в ладоши, девушки затанули какую-то песню и принялись водить хоровод вокруг идолов и... жертв.

– Дуй, ветер! Шумите, деревья! Радуйся – лес. Дьявас, отец богов, эта песня – тебе.

Девушки пели по-литовски, но Игорь понимал все, о чем они поют, и почему-то не удивлялся.

– И тебя, Пикуолис, мы не забудем! О, повелитель подземных пущ! И, Земина, мать земля, прими нынче жертву. И Лайма, богиня судьбы, и ты, Велиона, хранительница мертвых душ. Скоро и у тебя будет праздник!

Это уже была не песня. Это говорил речитативом жрец, крепкий длиннорукий старик с огненным взглядом. Рядом с ним подвизался мосластый Йомантас, что-то подвывал и время от времени тряс деревянными колокольчиками.

Действие постепенно ускорялось. Задавая ритм, парни били в ладоши все чаще и чаще, нагие девушки уже не водили хоровод, а словно змеи извивались в каком-то бесовском танце и все время приговаривали, кричали:

– Дуй, ветер! Шумите, деревья! Радуйся, лес! Блоу, вейяс! Спрогимо толи, медзиу! Дьяукитес, медьена!

– Дуй, ветер!

На крепкой шее жреца болталось ожерелье из сушеных змеиных голов... точнее – из голов ужей!

Все быстрее кружились девушки – вайдилутес, жрицы-девственницы, поддерживающие священный огонь. Их гибкие молодые тела извивались, сверкали глаза. Криве же входил в какой-то неистовый транс, седые космы его растрепались, на губах его вдруг показалась пена...

– Шумите, деревья!

Девушки вдруг упали на колени. Все разом, каждая – напротив какого-то идола. Упали, изогнулись и вдруг задержались, застонали, явно испытывая оргазм.

Тем временем в руках жреца-криве сверкнул изогнутый нож! Или то был серп, не важно...

Девушки-жрицы стонали все громче и громче! Били в ладоши молодые жрецы.

– Радуйся, лес! Радуйся. Пикуолис, властелин подземных чертогов и падших душ! Прими... Прими! Прими!

Выкрикнув и плюнув желтоватой пеной, криве подскочил к Оленьке и несколько раз вонзил нож ей в живот. Брызнула кровь, девушка закричала, задержалась. Глаза ее распахнулись от жуткой боли! Высыпались наземь кровавые кишки...

– Радуйся, лес!

– Пикуолис, прими!

Страшно кричала Ольга, и юные девственницы-вайдилутес вторили ей сумрачным эхом.

– Не-е-еет! – дернувшись, в исступлении закричал Игорь. – Не-е-ет!

Омыв жертвенной кровью лицо, криве вновь подскочил к

окровавленной жертве и, засунув в рану узловатую ладонь, ловко вырвал печень!

Несчастливая девушка последний раз дернулась в судороге, изогнулась... и застыла, устремив прямо на Игоря мертвые, распахнутые от нестерпимой боли очи.

Глава 2

Нальшанские земли (Литва)

Верный конь нес князя к оврагу. Там, впереди, за перелезком, укрылись враги. Устроили засаду... что ж, поглядим! Поглядим, чью сторону примут великие боги. Нет, недаром еще вчера принесли Перкунасу хорошую жертву. Белого жеребца и трех молодых красивых рабынь, родом из смоленских земель. Смолянки – все красивые, князь знал...

С утра еще где-то над дальним лесом появилась угрожающая грозовая синь, сейчас же темные тучи затянули все небо. Прямо над головой всадника вдруг грянул гром. Сверкнувшая молния ударила в росший неподалеку, на пути, дуб. Конь испуганно шарахнулся, прижав уши, взвился на дыбы... Всадник едва удержался в седле, выругался. Снова загрохотало, сверкнуло. Ударило...

На этот раз – прямо в коня и в князя... О, великий Перкунас? Ты что же, ошибся? Зачем ты помогаешь врагам? Это не они, это мы принесли тебе жертвы... Что же ты, Перкунас? Что же ты...

Игорь пришел в себя от жгучей холодной сырости. Он лежал в глубоком овраге, даже не лежал, уместнее было бы сказать – валялся, словно какой-нибудь алкоголик или никому

не нужный бомж. Вокруг грохотала гроза, сверкали молнии, неудержимым водопадом лил дождь, самый настоящий ливень. Где-то наверху, на краю оврага, слышалось тревожное лошадиное ржание.

Откуда здесь лошади? Откуда этот овраг? И... где Ольга?! Ольга! Молодой человек вздрогнул, вспомнив окровавленный нож жреца и предсмертный крик девушки. Неужели... Неужели это все правда? По-настоящему? Нет, не может быть. Бред какой-то. Ну да, полный бред.

Юноша поднял руку – вытереть лоб... Что-то холодное прикоснулось к коже. Что у него такое на руке-то? Перчатка! Да не простая, а искусно сплетенная из проволоки! Кольчужная! Такая же кольчуга покрывала и все тело Игоря, доходя до середины бедер! А еще был ярко-зеленый плащ с золотой оторочкой, какие-то странные сапоги со шпорами, а на поясе... кинжал в красных ножнах и меч! Самый настоящий меч, длиной чуть больше метра, тяжелый, с красивой резной рукоятью, мерцающей тусклым серебром.

Черт побери! Это что еще, скажите, пожалуйста, за дела такие? Сон? Тогда уж скорее кошмар.

Дождь между тем утих, посветлело небо. Ветер быстро разносил тучи, и гром уже гремел где-то далеко за лесом. Лес... Игорь выбрался из оврага и ахнул. Вот это лес! Густой, темный, непроходимый – целая пуща! Это куда же его занесло? Нет, тот лес, под Утенной, тоже не казался парком, но здесь... Здесь все выглядело намного круче, солиднее!

Дубы так дубы, могучие, не обхватишь и вчетвером. Сосны так сосны, высоченные, царапающие кронами небо. А еще – угрюмые темно-зеленые ели, целый ряд красновато-серых осин, малочисленные вкрапления рябин и берез, светло-золотистые липы. Тоже высоченные, не хуже сосен или дубов.

В небе уже проглянуло солнышко, но здесь, в пуще, все еще царил сумрак, лишь густой подлесок, высыхая, исходил паром. Заросли малины и ежевики, можжевельник, смородиновые кусты, орешник – все это покрывало склоны оврага, не давало идти, цеплялось за одежду...

Снова раздалось ржание. Раздирая заросли широкой грудью, гнедой жеребец подскочил к Игорю, ткнул носом в щеку. Неожиданно для себя молодой человек погладил коня по гриве и прошептал:

– Гимбутас... Гимба...

Похоже, так звали жеребца. Но он-то, Игорь Ранчис, откуда это мог знать? Черт побери, да что это такое творится-то?

Конь был явно не простой, оседланный, с зеленой попоной, шитой золотистыми нитками, с узорчатым и очень красивым седлом, к луке которого был привязан футляр с луком и стрелами. Еще была палица, точнее – шестопер. Тоже болталась у седла. Увесистая такая штука, чем-то похожая на фашистскую гранату.

Повинуясь какому-то неведомому порыву, молодой человек вдруг вскочил в седло! Именно вскочил, запрыгнул, а не забрался. Ловко так, быстро, умело – словно всю свою

жизнь только тем и занимался, что скакал на боевых жеребцах. Конь принял это как должное и, довольно всхрапнув, тряхнул гривой. Словно бы говорил: ну, куда поскачем, хозяин? Так ведь и говорил! Вернее, спрашивал, кося блестящим зеленовато-карим глазом.

– Гимба, – сняв перчатку, Игорь потрепал жеребца по холке... или – кто-то сделал это за Игоря? Молодой аспирант вообще-то никогда с лошадьми не...

Где-то невдалеке вдруг затрубил рог! Послышались голоса, крики, лошадиное ржание.

Игорь хотел было откликнуться, но... А вдруг это враги? Те, что устроили засаду... Скачут сейчас, ищут...

– Кунигас!

– Даумантас! Ты где?

Голоса показались знакомыми. Ну да – знакомыми, очень даже. Это же все... Улыбнувшись, юноша тронул поводья и прямо через кусты погнал коня на крики.

Там, за деревьями, он и увидел своих. Крепких парней в сверкающих кольчугах и шлемах. Альгирдас, Бутигейдис, Любартас... А вон тот, постарше, вислоусый, в немецком панцире – верный Сирвидас, воевода. Он еще отцу служил... До тех пор, пока того не убили коварные утенцы, восставшие против своего законного господина. Поддались на рассказы Наримонта, холопы! Ничего... ничего... Будет вам еще, будет!

– Кунигас! – подъехав ближе, воевода спешился и, сняв

шлем, подошел к Игорю... вернее, к тому, кого он называл Даумантасом, кунигасом и князем. – Твой шлем... Я pošлю слуг поискать.

Сирвидас тут же обернулся, повелительно взмахнув рукой:

– Эй, вы там!

Трое шустрых подростков, поклонившись, бросились в заросли. Те самые, откуда только что выбрался Игорь. Парни наши шлем очень быстро, молодой человек не успел переброситься с воеводой и парой слов.

– Вот твой шлем, княже!

– Молодец, Гинтарс, – скупó улыбнулся Даумантас.

Парнишка от похвалы покраснел, засмушался. Обычный подросток лет четырнадцати. Худой, лохматый, с узким лицом и горящим взором. Кто-то похлопал парня по плечу, кто-то засмеялся...

– Думаю, эта гроза нам на руку, князь, – негромко вымолвил воевода. – Никто нас не ждет.

– Я чувствовал засаду, – Даумантас упрямо закусил губу и мотнул головою. – Вон там, за оврагом.

– Мне тоже показалось, – спокойно кивнул Сирвидас. – Мы проверили.

– И что?

– Кабаны, князь! Целое кабанье семейство.

Все засмеялись, улыбнулся и Даумантас:

– Кабаны так кабаны. Тем лучше! Ну, что, в путь, други?

Враги нас не ждут. Тем лучше!

– И все же я бы выслал разведку. Пару воинов, – воевода потребил свои длинные седые усы.

– Не воинов, – резко возразил князь. – Мальчишек, слуг. Пусть возьмут ножи и стрелы на белку. Если что – мол, на охоту собрались.

– В чужой-то земле? – Сирвидас посмеялся, но тут же кивнул, одобрительно сверкнув взглядом. – Это ты неплохо придумал, кунигас. Если вдруг попадутся – выпорют да отпустят. В крайнем случае продадут в рабство. Ну уж оттуда мы их, всяко, выручим.

Даумантас жестом подозвал слуг:

– Слышали приказ, парни? Гинтарс – старший!

Парнишка просиял лицом и пообещал звонким, еще совсем детским голосом:

– Я не подведу тебя, князь! Не сомневайся.

Мальчишки исчезли в лесу. Растворились, незаметно, неслышно – словно индейцы. Игорь... Даумантас качнул головой:

– В путь. Нам нужно быть у цели к вечеру.

– Будем, князь! – засмеялся белокурый светлоглазый юноша с открытым добрым лицом, едва тронутым первой бритвой. Альгирдас. Товарищ детских игр. Друг. Да тут все – друзья. Дружина!

Пробравшись через заросли, всадники выбрались на какую-то совсем неприметную тропку, по которой и погнались

коней. Вокруг царил полусумрак, рвались к небу сосны и ели, корявые рябины и липы тянули к воинам свои лапы, словно бы хотели поймать, ухватить, затащить в тягучую болотную жижу. Болот здесь тоже было достаточно.

Игорь чувствовал себя как-то отстраненно, словно во сне. Кто-то решал за него, распоряжался, говорил. Кстати, это не был русский язык! Ну, ясное дело – литовский, и странно, что молодой аспирант его понимал. Не очень-то он и знал родной язык отца. Так, несколько фраз, не более. Тогда как же так получалось, что... Да и конь этот... Гимба... Игорь не ощущал абсолютно никаких неудобств, сидел в седле как влитой, спокойно, как за рулем белого своего «Ситроена».

Что же такое случилось-то? Что? Сон это все? Скорее, так. Дай-то бог, чтоб так и было! Значит, и Ольга – весь тот ужас, что произошел с нею – тоже сон. Жуткий кровавый кошмар, не более.

Голова просто раскалывалась. Игорь не выдержал, застонал от всех этих мыслей. Так громко, что едущий впереди Альгирдас – верный друг! – обернулся в седле:

– Что с тобой, князь?

– Голова прямо раскалывается, – честно признался Даумантас. – Видно, хорошо хлестнул Перкунас. Знаешь, я даже вспомнил про распятого бога!

– Про Иисуса Христа? – в голосе парня вдруг послышалась нешуточная обида и злоба. – Крестоносцы убили мою мать, ты помнишь. Это их бог!

– А еще – это бог русских! – выкрикнул позади Любар-тас. Темноволосый, темноглазый, смуглый, он больше похо-дил на итальянца или цыгана. Впрочем, среди литовцев тоже встречаются такие вот типажи – брюнеты, правда, не такие жгучие, как где-нибудь на юге.

– Русские тоже хороши, – Альгирдас тряхнул локонами. – Забыли полоцкий набег?

– Да уж, – неожиданно для себя «вспомнил» Даумантас. – Если б не помощь моего двоюродного братца, многие бы то-гда погибли.

– Да уж, вовремя они тогда явились, – покивал Любар-тас. – Зато и взяли за помощь немало. Полсотни корзин овса им отдали! А еще – рожь.

– Ты еще забыл про пиво, дружище Любарт, – вновь обер-нулся Альгирдас.

Игорь вздрогнул. Парни вдруг заговорили по-русски... по-древнерусски, но почти безо всякого акцента и без уси-лий. Их имена на русском звучали несколько иначе – Оль-герд, Любарт, Довмонт. А воевода – Сирвид.

Воевода, кстати, хмурился, неодобрительно поглядывая на молодежь. Ишь, чешут языками без всякого стеснения, словно у себя дома. Между прочим, вокруг – вражеская зем-ля!

Вот об этом старый Сирвид и напомнил, не постеснялся и князя.

– Утена – моя родовая земля! – тряхнув головой, резко

возразил Довмонт.

– Да, это так, князь, – пришпорив коня, воевода обогнал Любарта. – Так было. Но сейчас Утена – земля предателя Наримонта! Он убил твоего отца, он убил многих... И ты это знаешь, мой кунигас!

– Знаю, – Даумантас сумрачно сдвинул брови. – Поэтому мы сейчас туда и едем. Мстить!

– И месть наша должна быть страшной! – подал голос Любарт. – Пусть предатели знают.

– Пусть знают, – князь согласно кивнул. – Надолго запомнят. И расскажут другим... если выживут.

Последние слова юного кунигаса потонули в раскатах одобрительного хохота. Но дальше – всё. Дальше уже ехали тихо. Даже не было слышно, как копыта стучат.

Князь и его верная дружина проехали, наверное, километров десять или чуть больше, когда впереди, в зарослях ивы, вдруг закричала иволга. Громко, дерзко – обычно иволги так не кричат.

– Гинтарс! – догадался Довмонт. – Альгирдас, ответь.

Приложив ко рту чуть разжатые пальцы. Альгирдас издал тягучий и резкий звук. Крик болотной выпи.

Иволга тоже отозвалась, и через пару минут за деревьям показалась тоненькая мальчишеская фигурка.

– В городище нас не ждут, – четко доложил подросток. – Воинов мало – лишь на воротах и башне. Мы насчитали дюжину. Остальные все уехали в Утену, к Наримонту. Что-то

он там такое задумал.

– Знаем мы, что он задумал, – Даумантас недобро прищурился и положил руку на рукоять меча. – Ничего! Дойдут и до него руки. Что же касаемо городища... Все начинается с малого! Покажем, проявим себя.

– Покажем, князь! – воины взметнули мечи и копья. – Всеми богами клянемся.

Кунигас молитвенно сложил руки:

– Да поможет нам Диевас, отец богов! Перкунас даст нам свою силу, а враг его, Велняс – хитрость. Вперед, друзья! И пусть враги трепещут и не ведают никакой пощады.

Вражеское городище располагалось на излучине реки, у неширокого мостика. Желтая дорога, поля, заливной луг со стогами свежескошенного сена, водяная мельница. Высокий частокол из толстых ошкуренных бревен, крепкие ворота. Так просто, с наскока, не взять. Верная дружина Довмонта насчитывала три дюжины воинов, плюс еще военные слуги. Для лихого набега – в самый раз, для штурма же – маловато.

Однако у кунигаса имелся план. Вместе с воеводой все и придумали, теперь лишь оставалось воплотить задумку в жизнь.

– Ольгерд, бери свой десяток – и вдоль реки, к лугу. Помнишь, что делать?

– Помню, князь.

– Дядюшка Сирвид – ты, как договаривались, со стороны

моста.

– Не сомневайся, Даумантас. Сделаем!

– Нам же с тобой, Любарт, досталось самое веселое дело.

– Ужо повеселимся! – мрачно усмехнувшись, Любарт надел на голову подшлемник и шлем. – Веди, князь! Мы готовы.

Довмонт кивнул и молча тронул коня.

Они добрались до городища примерно через пару часов. Солнце уже клонилось к закату, вечерело, и местные крестьяне заканчивали все свои работы. Скоро ночь, наскоро поужинать да лечь спать. Завтра ждал еще один день, такой же, как все прочие – с работой до седьмого пота. Сейчас же можно было чуть-чуть отдохнуть, расслабиться. Исккупаться в реке, половить до ужина рыбки. Так, баловством, на уду, – но и то можно было поймать немало.

Мужчины и юноши купались у самого мостика, в виду дороги. Женщины же и девы стыдливо прятались чуть подальше, за излучиной, в зарослях ивы и краснотала. Оттуда слышались веселые крики и смех. Сенокос выматывал, однако молодость брала свое. Намахавшись за день серпом и косою, девчонки еще находили силы для отдыха и веселья. Плавали, брызгали друг в дружку водой, смеялись...

Выскочив из лесу, отряд вислоусого Сирвида помчался именно туда. До реки вынеслись на всем скаку, быстро. И сразу взялись за луки. Засвистели стрелы. Вода окрасилось

кровью. Три девушки приняли смерть сразу, остальные же закричали, поспешно выскакивая на берег...

Люди Сирвида преследовали их... но не слишком спеша. Лишь подгоняли, орали, пускали стрелы! Пусть бегут, пусть...

То же самое творилось у мостика! Лихой наскок – стрелы, копья, кровь. Кто-то из мужчин, конечно, бросился на чужаков, схватив все, что попало под руку. Но много ли толку в бою от голого и безоружного человека? Против не ведающих жалости воинов, закованных в стальные кольчуги. Против острых мечей, против разящих копий и палиц?

Городище! Крепость! Спасение там, за частоколом. Оставшиеся на стенах воины это хорошо понимали и держали ворота открытыми. Врагов заметили пусть и поздно, но все же вполне хватало времени для того, чтобы захлопнуть тяжелые створки перед самым их носом. Да и не выглядели враги слишком уж грозно – мало их оказалось, слишком мало для штурма. Дюжина всадников гналась за женщинами на излучине, еще дюжина уже неслась по мосту... Но люди-то уже были у самых ворот! Быстроногие девушки, забыв про одежду, так и бежали нагими. Успели, чего ж. Вот и другие успеют, враги-то еще далеко.

Далеко... Так думали защитники городища. И Даумантас-Довмонт знал, что они так думали. Мало того – предвидел, устроил все сам!

Пока за частоколом криками подгоняли своих, чтоб побыстрее захлопнуть ворота, остаток отряда Довмонта под командованием самого кунигаса приступил к основной части набега. Никем не замеченные, воины, скрываясь во ржи, добрались почти до самых стен.

– Быстрее, быстрее, храни вас Габия и Милда! – подгонял беглецов стоявший на воротной башенке уже немолодой воин в кожаном панцире, усыпанном мелкими металлическими бляшками. Судя по синему шерстяному плащу, щедро расшитому узорами и сверкающему шлему на голове, это был либо сам местный воевода, либо кто-то из опытных воинов, оставленных за старшего. Рядом с ним, на башне, стоял молодой парнишка с копной золотисто-рыжих волос и забавными конопушками на щеках. На шее парнишки висел боевой рог, в который он время от времени и трубил, подгоняя бегущих.

– Да хватит уже, – нервно пригладив бороду, оборвал его старший. – За своим участком лучше следи.

– Так враги-то – вон они! – возразил паренек, по его мнению, вполне резонно. Вражеские всадники-то были у реки, а не в лесу, за городищем. И все же рыженький обернулся...

И словил горлом стрелу, метко пушенную Любартом! Захрипел, падая, и бородач в синем плаще едва успел подхватить его на руки. А не надо было подхватывать! Надо было смотреть на все четыре стороны, а не только туда, откуда нес-

лись к еще не закрытым воротам малочисленные вражеские всадники. Они, конечно, не сунулись бы так нагло, если бы почти все воины не ушли в Утену, к Наримонту-князю. Да и так... не успеют, не успеют, не успеют, хвала богам! Еще немного, и можно будет отдать приказ затворить ворота. Для осады сил у врагов мало... вот только жаль юного Рантиса... жаль...

– Да поможет нам Перкунас. Вперед!

Довмонт взмахнул мечом и, надвинув шлем, побежал к воротам. За кунигасом кинулось все его оставшееся воинство, немногочисленное, но злое и горевшее желанием победить.

Золотисто-зеленое поле еще не созревшей ржи. Нежной, только что взошедшей. Воины Даумантаса безжалостно топтали его сапогами. Отряд заметили, но было уже поздно!

Быстроногий Гинтарс первый подбежал к воротам, сунув меж закрывавшихся створок копье! Тут подоспели и князь, и все остальные. Защитникам городища не удалось затворить ворота, что означало для всех этих людей смерть или, в лучшем случае, плен. Впрочем, плен далеко не всегда лучше смерти, частенько случается, что и хуже.

– А ну, навались! – скомандовал князь.

Часть воинов взялись за ворота. Остальные принялись убивать. Всех тех, кто не успел. Кто не добежал. Женщин, детей... Нет, не так! Сейчас не было ни детей, ни стариков,

ни женщин. Были враги! Их нужно было уничтожить. Что и делали, умело и быстро. Дружина нальшанского князя это все же профессиональные воины, а не кое-как вооруженные мужики-ополченцы. Они уже прошляпили врагов и не сумели вовремя захлопнуть ворота. Пожалели своих, думали, что те добегут. На то и был расчет. На надежду! Надежда – девушка неверная. Она обычно много чего обещает, но мало чего дает. Вот и сейчас...

Левая створка ворот распахнулась, и все воинство юного нальшанского властелина ринулось в образовавшийся проем, сея вокруг смерть и ужас. Возглавив атаку, Довмонт в числе первых ворвался на обширный двор городища. Высокий бревенчатый дом – как видно, в нем жил воевода, – амбары, домишки помельче – полуземлянки с бревенчатыми, накатом, крышами. Напротив большого дома, рядом с крыльцом – вкопанные в землю идолы, рядом с которыми – пепел, остатки костей и закопченный человеческий череп. Как видно, совсем недавно местные принесли жертву богам. Наверное, молодую красивую девственницу. Впрочем, что зря гадать? Да и некогда.

Выскочивший словно из-под земли здоровенный полуголый мужик с огромной дубиной, завыв, словно дикий зверь, бросился прямо на князя. Глаза его сверкали яростью, темное широкое лицо исказилось от гнева. Уклоняясь от удара, кунигас резко отпрянул влево, одновременно ударив мечом. Мужик, однако же, тоже оказался не лыком шит и, живо от-

скочив назад, принялся с непостижимой ловкостью вращать свою дубину, выписывая в воздухе немыслимые кренделя. Подставлять под такой удар меч не могло быть и речи! Никакое лезвие не выдержало бы, сломалось. Пришлось уклоняться, и это было на руку врагу, глаза его уже сияли торжеством – ведь рано или поздно его страшное оружие настигло бы цель. Тут все дело в выносливости и силе, а того и другого мужичага было не занимать!

Вот снова князь едва не подставился под удар, отпрянул... Чуть было не упал... Чуть было не выпустил меч... Так его и...

Кунигас так и сделал. Как придумал буквально только что, всего лишь пару секунд назад. Вроде бы как поскользнулся, упал на левое колено, подставив под удар меч... который тут же и отпустил, едва только дубина коснулась клинка. Меч отлетел в пыль... Мужичага злорадно ухмыльнулся, перехватил поудобней дубину... В этот самый момент Даумантас метнул нож. От живота. Быстро, приемисто, почти без замаха. Тяжелое лезвие угодило врагу в горло, порвав трахею. Захрипев, мужичага пошатнулся, захлебываясь собственной кровью. Качнулся, выронил дубину и упал, словно оглоушенный бык.

– Славно, князь! – одобрительно выкрикнул пробежавший мимо Любарт с окровавленным мечом в руке. – А я уж подумал – не нужна ли тебе помощь?

– Слава Перкунасу, не нужна.

Кунигас зорко обозрел городище. Почти все уже было кончено – кто хотел сражаться, тот был убит, остальные поразбежались. Дружина Даумантаса тоже поредела, потеряв четверых убитыми и пятерых – ранеными. Ранеными тяжело – в голову, в живот, в грудь. С более мелкими ранами, как всегда, не считались.

– Берите все! – усмехнувшись, приказал князь. – Что не сможем унести – сожжем. Пленных сгоняйте к амбару.

Не опуская меча, властелин Нальшан первым взобрался на крыльцо, врываясь в дом воеводы. Кто-то бросился из темной горницы наперерез... Князь лишь отмахнулся мечом. Какая-то женщина упала на пол, пораженная в сердце. Кунигас лишь переступил ее труп. Просто и легко, без всяких эмоций. Эмоция была одна – азарт! Азарт битвы и – вот сейчас – предчувствие богатой добычи.

– Осмотрите все сундуки, – оглянувшись на своих воинов, глухо распорядился Довмонт. – Все добро будет нашим.

Какой-то писк донесся слева, из-за печи. Кунигас махнул рукой:

– Гинтарс, проверь.

– Да, повелитель...

Парнишка выскочил сразу:

– Там дети, князь. Маленькие еще совсем.

– Убить всех, – ни секунды не сомневался князь. – Не нужно оставлять мстителей.

Поклонившись, Гинтарс вытащил из-за пояса нож и ныр-

нул за печку... выскочив, вытер окровавленное лезвие об устилавшее пол сено. Он выполнил приказ и сделал все правильно. Только вот в светло-синих глазах паренька почему-то стояла тоска.

– Князь! Да тут полно добра!

– Тащите все во двор.

Вдруг почувствовав какое-то шевеление, Даумантас резко свернул в сени, что вели в соседнюю пристройку. Свернул и едва не наткнулся на копье! Кто-то метнул тяжелую охотничью рогатину и тотчас же бросился бежать, гремя чугунками и тазами.

– Однако, – вытаскивая воткнувшееся в бревенчатую стену копье, кунигас уважительно покачал головой. Этот бросок вполне мог стоять ему жизни. Будь князь менее внимателен и более азартен.

Впрочем, азарт-то как раз нарастал.

– Ах, ты так? Ладно.

Не разбирая дороги, Довмонт бросился следом за непонятным злодеем. Бегал тот хорошо, еще и перепрыгивал с галереи на галерею, с крыши на крышу, а потом – на улицу. Настоящий паркурщик! Но и молодой кунигас не уступал ему ни в чем. Крыша так крыша!

Оказавшись на земле, злодей бросился мимо полуземлянок, к воротам, уже распахнутым настежь. На вытоптанной площадке, у амбаров, под присмотром воинов-победителей

боязливо жались друг к другу пленники, в основном – женщины и подростки. Совсем уж малолетних детей в плен не брали – много возни – убивали на месте. Рядом с крыльцом воеводского дома громоздилась изрядная куча разного рода добра. Валялись под ногами трупы. Взрослые мужики с распоротыми животами, парни. Младенцы с разбитыми головами. Просто брали за ноги и... Не нужно оставлять мстителей! Тут и там, в разных концах городища поднимались к небу черные дымовые столбы. Воины Даумантаса поджигали селение врагов. Чтоб там, в Утене, узнали. Чтоб запомнили. Чтоб боялись! Всегда.

«Паркурщик» между тем ловко проскользнул меж воротными створками и, выбравшись на простор, со всех ног пустился к лесу, благо бежать было недалеко. Лес темнел совсем рядом, огромный, почти непроходимый, и полный сказочных богатств. Сейчас – дичь, рыба, вот-вот пойдут ягода и грибы. Можно прожить, с голоду не помрешь точно. Да и попробуй там беглеца найди. Ноги сносишь.

Врешь, не уйдешь!

Князь чувствовал азарт, сродни охотничьему. Вот вроде бы и не по чину ему гоняться за кем-то, а поди же ты – захватывает, мама не горюй! Хочется поймать – обязательно поймать! – гада, не дать ему уйти. Если же тот вдруг окажется слишком уж быстроногим – так нож догонит. Метнуть – дело нехитрое. Да и позади, за князем уже бежали верные воины. Нет, не уйдет.

Беглец стал уставать, не таким уж и выносливым оказался. Довмонт легко нагонял его, и побился бы об заклад, что нагонит злодея еще до лесной опушки. Так и вышло. Беглец вдруг споткнулся, чуть было не упав, затем и вовсе остановился у зарослей хиленьких осин. Кажется, пытался отдышаться. Высокий, но в плечах узок, значит – не силен. Тонкие руки, каштановые волосы до плеч – по здешним меркам, короткие. Одет как-то странновато – длинная, до колен, туника с подкатанными рукавами, явно с чужого плеча. Ноги голые, босые, уже сбитые в кровь. Туника не бедная, ярко-синяя, с золотой вышивкой, простолюдины такие не носят.

Кто же это такой? Такая!

Беглец затравленно обернулся. Совсем по-звериному зыркнули зеленые большие глаза. Лицо слишком уж красивое, тонкое. Ни бороды, ни усов – даже намека. Девка! Точно – девка. И туника эта мужская на ней случайно.

Сверкнув глазами, девчонка дернулась. Что-то просвистело в воздухе, и многоопытный кунигас вовремя заметил опасность. Даже еще толком не рассудив, вмиг распластался в грязи... Просвистел над головою кинжал, воткнулся в пень, задрожал злобно...

– Ах ты ж, сучка!

Вскочив на ноги, Довмонт в три прыжка догнал беглянку, занес на бегу меч... Никуда злодейка не денется! Вот сейчас... прямо по шее – головушку напроць. И все! Пусть да-

же свои видят – с князем шутки плохо! Пусть знают, знание то и между своими не лишнее. Больше уважать будут. Молодежь же – пусть учится. Пусть учатся! Ударить здесь надобно по-особому, с оттяжкой. Тогда срубленная голова отлетит по ходу движения направо, тело же еще какой-то момент пробежит. Интересно будет взглянуть – как долго? До можжевельника без головы добежит или все ж таки – до самой опушки? А ну-ка... Н-на-а!

Тяжелый булатный клинок сверкнул в воздухе...
– Не-е-е-ет!

Это закричал не кунигас – Игорь. Закричал беззвучно и сделал все, чтобы удержать руку от удара! Просто отбросил меч в сторону, сам же, подпрыгнув, ударил бегущую злодейку носком сапога. Прямо под коленку, куда и хотел. Так вместе и повалились в грязную лужу: девчонка и следом за ней – князь. А чего уж? Князь-то все равно уже грязный.

Разлетелись по сторонам коричневатые брызги. Довмонт вскочил на ноги первым, рванул девчонку за ворот туники – вставай, тля!

Та ожгла взглядом, видать, хотела вцепиться ногтями в глаза... да кунигас перехватил руку. Сжал запястье так, что из девичьих глаз градом хлынули слезы. Застонала злодейка, заплакала... но пощады не попросила – упертая!

Тут и свои подоспели, Любарт с Гинтарсом. На повелителя своего глянув, засмеялись было, но быстро в себя пришли.

– Ах, светлый князь. Какой смертью прикажешь казнить сию гадину?

Довмонт отмахнулся, нахмурился... задумчиво этак. Тут Игорю поплохело – юный кунигас на выдумки оказался горазд и представлял все очень даже наглядно, во всех подробностях, к слову сказать, очень даже мерзких!

Можно было разорвать девчонку напополам. Пригнуть вершины сосен, привязать за руки за ноги, а потом опустить. Красиво получится! Этакий фонтан из крови и кишек! Называется – огненный петух. Или – кровавый петух... как-то так. Можно и по-другому: посадить эту наглую дурищу на кол. Дело, на первый взгляд, нехитрое, но опыт и тут нужен. Сначала надобно девку положить наземь, на бок. Заголить заднее место, сунуть туда кол, щедро смазанный конопляным маслом. Затем поднять осторожненько, кол вкопать, и потом потирать руки да любоваться, как под воздействием тяжести своего тела пленница медленно сползает вниз. Можно еще на кол перегородки прикрепить, чтоб не слишком быстро померла злодейка. Чтоб подольше мучилась! Это же удумала – руку на князя поднять! Вот, пускай пару-тройку дней на колу посидит, тогда любая смерть желанной покажется. Правда, нынче времени нет. Тогда что же? Распилить деревянной пилой? Тоже казнь нехудая. Привязать нахалку к столу и живьем пилить. Дубовая-то пила сначала рвет кожу, а потом и внутренности. При этом девка еще будет живой... и мучиться! А и поделом! Побегала, поразвлекалась...

в грязь князя уронила, стерва. Теперь попляши-ка!

– Гинтарс, не видал ли ты случайно в здешних амбарах дубовой пилы?

– Кажется, видел, господин. Да-да, точно видел.

– Славно! Прихватим пилу с собой. Потом в пути позабавимся. Ну, или дома уже.

– Дома, княже, и своя пила сыщется.

– Ну... я и говорю – славно!

Девчонку связали и повели вместе с прочим полоном прочь. Возвращались так же, как и явились – через лес, через овраг, меж трясиную. Вечерело. Оранжевые искры заката плескались в темнеющем небе, подобно пожару. Кучевые облака, подсвеченные снизу солнцем, сияли золотом, рядом повисла серебряная луна, зажигались первые, еще прозрачно-белые, звезды.

В чаще уже давно было темно, хоть глаз выколи. Путники остановились на ночлег в каком-то густом бору, ничуть не опасаясь погони. Ночью-то кто ползет в пущу? При всем желании никаких следов не найдешь. Если только утром, да и то вряд ли. Утенский князь Наримонт (кстати, двоюродный братец Довмонта), конечно, захочет отомстить. Но сделает это позже, гораздо позже. Пока соберет людей, пока заручится поддержкой Миндовга. Король... Собака, продавшая веру предков за золотую корону, врученную папой! Впрочем, нехорошо так про приемного отца. Да, когда-то Мин-

довг усыновил юного Даумантаса, потерявшего родителей в одной из межплеменных распрей. Юный княжич приходился ему дальним родственником – то ли двоюродный, то ли троюродный племянник, в общем, седьмая вода на киселе, но все-таки – родич! Воспитывал приемного сына, конечно, не сам Минлдаугас-Миндовг, на то имелись вассалы. К примеру, нальшанский князь Товтивил, трон и земли которого как раз и унаследовал Даумантас. Родная же Утена, на земли которой юный кунигас имел все права, оказалась в руках прохвоста и предателя Наримонта. Тот как-то сумел втереться в доверие к Миндовгу, тоже поговаривая о переходе в католичество. Может, тоже захотел королевскую корону?

Все эти мысли проносились в голове князя, не давая спать. Игорь их прекрасно ощущал, уже начиная кое о чем догадываться. Вряд ли это был сон – слишком уж все реально, разве что какая-нибудь «Матрица». Да пусть хоть и так, действовать-то приходилось, по сути, в реале. Его сознание каким-то невероятным образом оказалось в голове первобытного литовского князя, юного племенного вождя – кунигаса Даумантаса. Причем и собственное сознание князя никуда не делось, правда, Игорь убедился, что в каких-то случаях может взять кунигаса под свой контроль. Как было с той девчонкой... Но все это возможно лишь невероятным напряжением воли... А, может быть, и тихой сапой, кто знает? Надо пробовать. Обязательно пробовать, если только... если только утром Игорь не проснется вдруг в придорожном мотеле

в обнимку с Оленькой!

Оленька... Ольга. Неужели девчонка погибла таким страшным образом? Или это все привиделось Игорю, будучи частью какого-то кошмарного сна?

Игорь-Довмонт забылся лишь под утро, но почти сразу же его разбудил громкий звук рога. Солнце вставало, пора было продолжать путь.

Подпертое вершинами сосен небо сияло невообразимо яркой синью. Первые солнечные лучи золотили вершины деревьев, но вниз еще почти не проникали. В пуще царил влажный полумрак, кругом искрились крупные капли росы. Всадники и полон быстро промокли до нитки, впрочем, холода никто из них не чувствовал, в лесу быстро становилось жарко, душновато даже.

Часа три воины вели пленных по неширокой тропке, пока не вышли к неширокой реке, где был устроен короткий привал. Не разжигая костра, воины подкрепились вяленным мясом и сыром, напились из реки всласть. Пленников не кормили, разрешили только попить. Да и то для них было нехудо – хоть какое-то облегчение.

Сидя у корявой сосны, что росла на самом берегу, на обрыве, Довмонт смотрел на пленных. Молодые женщины, девушки, дети... Они заходили по колено в реку, нагибались и жадно пили, зачерпывая руками воду руками. Вчерашняя беглянка в богатой тунике с чужого плеча тоже пила вместе

со всеми, высоко задрав подол. Фигурка – да, стройная. Теплые каштановые волосы, большие зеленые глаза. Наверное, и упругая грудь – сейчас под туникой не видно, вот если...

Игорь вдруг поймал себя на мысли, что рассуждает сейчас совершенно свободно, без всякого участия язычника-кунигаса. Как видно, сознание молодого Довмонта проявлялось лишь в каких-то чрезвычайных ситуациях, в обычное же время – дремало. Этим нужно было воспользоваться, обязательно!

Пленники между тем напились, и воины князя погнали их обратно из воды на песчаную излучину, густо поросшую рогозом и камышом. Зеленоглазая нахалка отчего-то задержалась, не желая выходить. Что-то сказала воину – похоже, это был Любарт – потянулась, улыбнулась... И быстро нырнула в воду, подняв тучи брызг!

Любарт заругался, но прыгать вслед не спешил, отправив на это дело слуг – Гинтарса и его приятелей.

– Вот курва! Ловите ее, ловите!

– Никуда она не денется, – повернувшись к Даумантасу, Сирвид зевнул, прикрывая рот широкой заскорузлой ладонью. – Здесь излучина. Я отправлю людей наперерез, князь. Не догонят, так достанут стрелой.

– Пусть постараются догнать, – поднимаясь на ноги, хмуро бросил князь. – Эта ушлая дева будет хорошей жертвой нашим великим богам!

– Да, и криве она понравится, – неожиданно согласился

воевода. – Жертва – это всегда хорошо. Особенно – такая.

Сирвид что-то бросил воинам, те кивнули, исчезая в зарослях ивы, смородины и ольхи. Девчонку они догнали быстро – дождались на излучине, на перекатах, перехватили, да, связав, погнали пинками назад.

– Плетей ей! – жестко распорядился Довмонт, и Игорь ничего не смог сделать. Такая вот шизофрения получалась. Точно – шизофрения, классический случай раздвоения личности! Так, может, он, Игорь Ранчис, наследник вполне приличного состояния, аспирант, без пяти минут кандидат наук, и в самом деле, слетел с катушек? Просто крыша поехала от того, что случилось с Ольгой. Вот вам и результат – галлюцинации, бред...

Сорвав с беглянки рубаху, воины привязали девушку к стволу толстой осины и принялись от души охаживать плетью. На белой коже несчастной вмиг вспыхнули кроваво-красные рубцы, вся спина окрасилась кровью. Пленница закричала от боли, по щекам ее водопадом хлынули слезы...

– Пожалуйста, не надо... не надо... всеми богами прошу...

– Хватит! – сплюнув, резко бросил князь. – А то еще не сможет идти. Придется бросить здесь. Волкам на съедение!

– Уж точно – на съедение! – расхохотался Любарт. – Правда, волки-то сейчас сытые.

Кто-то из молодых слуг проворно разрезал веревки. Девчонка просто съехала по стволу, расцарапав бедра, живот и

грудь... весьма упругую, не очень большую. Приятную...

Воевода Сирвид властно схватил девку за волосы:

– Идти сможешь? Если нет, то...

– Смогу! – девчонка упрямо сжала губы. Мокрое от слез лицо ее побледнело, искусанные в кровь губы распухли. Или они и были такими вот, пухленькими? Князь как-то раньше не особо приглядывался...

– По коням! – вскочив в седло, распорядился Даумантас, и вся дружина, подгоняя пленников, последовала за своим князем.

* * *

Честно сказать, Нальшанский замок какого-то особенно-го впечатления на Игоря не произвел. Все, как обычно. Высокий холм, окруженные частоколом хоромы, деревянные башни, узкий деревянный мост через ров. Невдалеке – поля, луга, пара компактных избенок и мельница. Все какое-то серое, неприглядное, непритязательное. Впрочем, и такую – путь и деревянную – крепость, возьми, попробуй!

Князя уже встречали. Уже были распахнуты настежь ворота, уже толпился любопытный народ. Где-то около сотни человек, не так уж и мало. Дородные бородачи в разноцветных плащах, женщины в длинных платьях, много народу попроще, самого что ни на есть крестьянского. Радостно крича, носились повсюду босоногие ребятишки, за частоколом,

почуяв своих, дружелюбно лаяли псы.

– Кунигас, наш кунигас вернулся! – все вокруг славили молодого князя.

– Вернулся с победой! Привез богатую добычу, полон!

– Нынче будет у нас много работников!

– Будем с урожаем, братцы! Уж точно все соберем, до последнего колоска.

– Ага... если только эти ленивые утенские свиньи будут хорошо работать!

– Не будут – заставим!

– Слава Перкунасу!

– Слава богам!

– Слава князю!

Сидя в седле, Даумантас милостиво кивал всем. Кого-то одаривал улыбкой, а на кого-то, наоборот, посматривал строго, словно напоминал о былых грешках, либо о каком-нибудь долге. Сказать по правде, эта искренняя радость подданных пришлась по нраву и Игорю, хоть он и был равнодушен к лести. Но здесь-то – не лесть, здесь-то правда! Вон как сияют глаза у мальчишек, небось, все хотят стать воинами и верно служить своему князю.

Въехав на просторную площадь, молодой кунигас спешился, снял шлем и, передав поводья коня подскочившему слуге, низко поклонился вкопанным в землю идолам.

– Спасибо тебе, Перкунас, повелитель молний. Спасибо,

Диевас, отец богов. И тебе спасибо, Лайма, владычица судьбы. Я принесу вам богатые жертвы. Уже очень скоро, сегодня.

– Жертвы – это хорошо, князь, – подойдя ближе, одобрительно покивал плечистый чернобородый мужчина в длинной тунике до самых пят. Дорогой, с золотыми бляшками, пояс, посох с навершием из черепа козла, на шее – ожерелье из мертвых птичьих голов. Кустистые брови, пронзительный взгляд, фактурное морщинистое лицо с горбатым, словно клюв хищной птицы, носом. Будивид, жрец – криве. Игорь вдруг почувствовал неприязнь, исходящую из глубины души Довмонта. Жрец был хитер, влиятелен и коварен. К тому же имел много сторонников и частенько осмеливался интриговать против молодого князя. С таким ухо нужно было держать остро и, по возможности, не ссориться. По крайней мере, сейчас.

– Рад тебя видеть, славный Будивидас, – молодой кунигас и криве обнялись под приветственные крики народа. – Слава богам, наша месть оказалась удачной.

– Потому, что наша месть – праведна, – ухмыльнулся жрец. – Не мы первые напали, не мы затеяли эту бесконечную войну. Мы просто вынуждены были ответить. За смерть наших людей, за все то зло, что причинили нам Наримантас и его людишки. Как все прошло?

– Мы разрушили и сожгли городище, – Довмонт гордо понял голову. – Вывезли все добро: соболей, меды, дорогие

ткани и золото. Привели с собой пленников – крепких работников и красивых молодых женщин. Слава богам!

– Слава!

Выполнив положенную ему часть ритуала, Будивид отступил назад, и молодой кунигас важно зашагал дальше – к высокому резному крыльцу, ведущему в большой и просторный бревенчатый дом, княжеское жилище. Пойдя к крыльцу, он поклонился... и вздрогнул. На нижней ступеньке, в окружении красивых молодых девушек стояла... Ольга!

Длинное темно-голубое платье с красно-белыми рукавами. Золоченый пояс, конец которого ниспадал до самой земли. Голову покрывала ослепительнобелая накидка, но все же были видны локоны, длинные светло-русые локоны. Узкое, в обтяжку, платье еще больше подчеркивало тоненькую, аристократически хрупкую фигуру девушки, темно-голубой цвет оттенял тонкую светлую кожу, чуть тронутую холодным солнышком бескрайних литовских лесов. Знакомое, такое родное, личико с тонкими нежными чертами, синие очи, ах...

Не совладав с собой, Игорь бросился к девушке:

– Ольга! Ты жива?

– Здравствуй, муж мой и повелитель, – подставив для поцелуя щеки, отозвалась... Оленька? Или все же кто-то другой? Но ведь... одно лицо, одна фигурка... и глаза, глаза!

– Я так скучал по тебе, так скучал... – целуя возлюбленную, зашептал Игорь.

– Я тоже скучала, мой князь, – красавица шептала в ответ, томно прикрыв глаза длинными загнутыми ресницами. – Я так хочу обнимать тебя, чувствовать твоё тело...

– Ах, милая моя, милая... – молодой человек принялся покрывать поцелуями нежную шейку.

– Тихо, тихо, мой князь, – княжна пришла в себя первой. – Люди же смотрят, жрецы. Дождемся ночи, ага?

– Не знаю, как и дождаться...

– Бояре хотят говорить с тобой. И Будивид, криве. Прямо всю плешь проел.

Именно так, довольно-таки грубовато, мозг Игоря воспринял последнюю фразу красавицы. Оказывается, и она не очень-то жаловал жреца! Осознавать это почему-то было приятно.

Вне себя от охватившей его страсти, кунигас едва выси-
дел на затянувшемся почти до самой ночи совете. Во всех
подробностях рассказав о походе, Даумантас ответил на все
вопросы бояр, а также согласился уже завтра же устроить
большой праздник, с пивом, хороводами и богатыми дарами
богам.

– Я сам выберу жертв из полона, – пошевелил бровями
жрец. – Надеюсь, ты княже, не против?

– Как могу я быть против воли богов?

Эта фраза понравилась криве, и он довольно закивал:

– Все так, князь, все так. Думаю, праздник выйдет на сла-

ву. Начнем уже с утра. На рассвете.

Все остальные охотно согласились, после чего стали ужинать или, лучше сказать – пировать. Тяжелые жернова ржаного хлеба ломали руками, резали ножами дичь, стучали костями по столу, выбивая вкусные мозги... Мясо Игорю не понравилось – жестковато, а вот рыба оказалась выше всяких похвал. Как и просяные лепешки с жирным соусом из сметаны и шкварок, как ягодный кисель, пироги и, конечно, брага. Опростав два рога, молодой кунигас несколько захмелел и хотел было сослаться на усталость, уйти. Однако тут же рассудил иначе. Ни на что не ссылался! Вот еще – он же князь. Просто встал...

– До завтра, други!

Сказал и ушел, провожаемый гулками пьяными голосами.

– Довести тебя до покоев, мой князь? – в темных сенях подскочил верный Гинтарс.

Довмонт грубо отпихнул мальчишку:

– Не надо. Я еще не пьян.

– Тогда... какие будут указания на утро?

– Разбудить на рассвете!

– Понял, мой князь.

Похоже, ноги сами знали дорогу. Заплетались, но, куда надо, вели. Сени, крытая галерея – переход, вот и опочивальня супруги. Бируте... Да, так ее звали – Бируте. Из какого-то там знатного, но единого рода... княжна.

Княжна дожидалась мужа на ложе. Лежала на лоскутном одеяле в короткой рубашонке из тонкого выбеленного солнцем льна. Нет, конечно же, не Ольга... Но похожа – как две капли воды! Эта вот Бируте и Оленька – словно близняшки. Русые теплые волосы, нежная кожа, синие, как майское небо, глаза...

– А, иди-ка сюда, миленькая моя...

– Я и так здесь, мой герой...

Тяжело дыша, князь погладил женушку по колену. Сильная ладонь его полезла и выше, под рубашку к трепетному, горячему и уже влажному от желания лону. А ну-ка...

Даумантас сорвал бы сейчас рубашонку, как зверь, и так же взял бы жену, по-звериному грубо... Однако теперь действовал Игорь...

Поцеловав жену в губы, осторожно положил ее на спину. Задрал рубашечку, обнажив грудь. Накрыл губами трепетные сосочки, поласкал, потрепал языком, затем отпрянул, зажал между пальцами, чувствуя нарастающую упругость и твердость груди...

– Ах, мой князь...

Красавица выгнулась, и князь не мог больше ждать, просто был не в силах. Да и Бируте-Оленька уже томилась в нетерпении, истекая пряным соком любви, изнемогая от охватившего низ живота жара...

Кунигас взял жену осторожно и нежно, обнял за талию, выгнулся, словно тисовый лук...

Бируте закатила глаза... стонала так громко и страстно, что, казалось, было слышно на все княжество. И пусть! Пусть слышат. Пусть завидуют тупые ханжи.

– Ах, мой князь... мой милый...

Она уже не могла говорить, да и не нужны были слова. Княжна закусила губу, вновь застонала, забилась, словно попавшая в капкан лань, трепетная и нежная... Застонал и князь...

– Как хорошо, – Бируте прижалась к его груди, довольная и счастливая, как только может быть счастлива юная женщина, не видевшая любимого мужа уже несколько дней.

– Ты нынче такой... Такой нежный, такой... Мне так нравится куда больше... ой! Прости, я сморозила глупость, мой господин. Прости!

В синих очах возлюбленной Игорь углядел страх! Отчего так? Чего юная княжна боялась?

– Ну, ну, милая, тебе не в чем себя упрекать. Совершенно не в чем.

Нет, это все же была не Ольга. Хоть и очень похожа, но нет, не она. Оленька как-то по-другому мыслила и никогда никого и ничего не боялась.

Успокаивая супругу, князь погладил ее по плечам, по спинке... девушка выгнулась, словно кошечка, вот-вот замурлыкает. Довольная, растянулась на ложе, заложив за голову руки, вся такая счастливая, стройненькая... и красивая – невероятно!

Игорь вновь погладил упругую грудь, потерябил сосочки. Потом отпрянул, встал на колени и принялся покрывать нежными поцелуями все трепетно-юное тело. Такое ласковое, гибкое, родное.

Начал с губ, затем перешел к нежной шейке, потом опять – к груди. А потом спустился вниз, к пупку... и еще ниже, к лону.

Молодая красавица вздрогнула, застонала, выгнулась... Игорь обхватил ее руками за талию, чувствуя на губах кисло-сладкого запаха любви... Вот отпрянул... Погладил по бедрам... Обнял за плечи, чувствуя шелковистое тепло...

И снова влюбленные предались страсти, коей, верно, позавидовали бы и сами боги!

* * *

Гинтарс разбудил князя на рассвете, как и было приказано. Уже варили пиво, уже, в ожидании праздника, бегали взад-вперед вездесущие ребятишки. В отверстия под крышами выходил рвущийся из очагов дым, пахло тестом, мукой и свежей выпечкой. Молодые парни отправлялись на охоту и на реку – за рыбой, раз уж праздник, так нужно было объедаться от пуза, таким образом прославляя великих богов. А где взять еду в конце июня? Грибов еще нет, а ягоды – так те на бражку! Земляника, голубика, морошка. Черника, опять же, уже, говорят, пошла. Вкусная брага будет, ничуть не ху-

же константинопольского или немецкого вина. Такими винами торговали в Кернаве и в Новогрудке, у Миндовга, богатые заморские купцы. Даумантас пивал однажды – не понравилось, кисло. Уж куда лучше хлебнуть ягодной бражки, хмельного кваску или вот пива. Ух, какой запах пошел! Медовуха – тоже неплохо, только ежели хорошо перепить, так голова вроде бы ясная, а ноги не идут. Так тоже бывает.

– Здрав будь, князь, – кунигас еще не спустился с крыльца, а жрец Будивид уже тут как тут. Стоит, от солнца щурится, бородищу ладонью гладит.

– Я, князь, выбрал девок для жертвы Перкунасу. Как ты и сказал – из пленниц.

– Девки? – Довмонт недовольно поморщился. – Помнится, речь шла об одной. Кстати, я как раз хотел предложить тебе...

– Не мне, князь – богам, – криве развел руками и улыбнулся, вроде бы как вполне дружелюбно и даже радостно, только вот глаза из-под кустистых бровей зыркали очень даже злобно. Не любил Будивид, когда ему перечили, вот и юного князя, походу, и в грош не ставил. Все по-своему делал, гад.

Все эти поползновения жреца нужно было пресечь, обязательно пресечь, и лучше – раньше, чем позже. Криве – известный интриган, можно было не успеть. С другой стороны, и поспешать тоже не следовало, прежде нужно было обезопасить себя и молодую княгиню от многочисленных сторонников жреца, в основном из среды купцов и старого родового

боярства.

Про девушку, кстати, вчера слышали все. Все, кому надо. Про одну девушку, не про двух и не про нескольких. Уступи сейчас князь – и полезут со всех щелей слухи, мол, кунигас слишком еще молод и послушно пляшет под свирель жреца. По сути, и Нальшанским-то княжеством управляет Будивид, а не молодой Даумантас. И на что, скажите, пожалуйста, такой князь? Разве что в военные походы ходить, и то, пока они будут удачными. Удача – есть дар богов, не будет удачи, можно и самого кунигаса – в жертву, как делали когда-то в старые добрые времена, да и сейчас еще поступают у жемайтов.

– Одну девушку, – заведя идущих к святилищу воеводу и воинов, Довмонт повысил голос. – Именно об одной и шла речь. Так, дядюшка Сирвидас?

Воевода тоже уже был немолод, как и родовитые бояре, однако, в отличие от последних, Будивида не очень-то жаловал. Наверное, когда-то давно вышло меж ними какое-то соперничество, спор. Никто не победил, все при своих интересах остались, и никому про то не рассказывали. Однако друг друга не переносили с тех пор на дух.

– Да, одну, – веско молвил воевода. – Об одной шла речь. У нас еще и осень впереди. Сейчас если нескольких богам отдать, что осенью делать будем? Своих девок в жертву? Оно, конечно, можно и так. Как великий криве скажет.

Сирвид усмехнулся в усы, жрец же злобно поджал губы.

Понимал, в чей огород швыряет камни воевода. Когда-то, не так уж и давно, в какой-то голодный год, по совету криве, принесли в жертву Перкунасу сразу трех местных дев. Так их матери потом жреца чуть не убили! Подловили в лесу – пришлось отбиваться. Да что там отбиваться – бежать! Будивидас потом-то с нахалками теми расправился, и все вроде бы стало хорошо, но осадочек нехороший остался. И не просто осадочек – страх.

Язычники литовских пущ, как заметил Игорь, человеческую жизнь вообще не ценили. Ни свою, ни тем более чужую. Вообще, жизнь никогда не считалась чем-то неприкосновенным. Даже самоубийство рассматривалось как благородный поступок. Такая смерть была для язычников гораздо более предпочтительной, чем смерть от руки врага. Тела самоубийц и тех, кто по какой-либо другой причине преждевременно ушел из жизни, не хоронили вовсе, оставляли на земле для «доживания».

Об этом с утра как-то обмолвилась Оль... Бируте. Хорошая, кстати, девчонка, хоть и первобытная княжна. Хорошая, не только в смысле секса, хотя и здесь тоже плохого слова про княжну не сказать. Однако еще и характер неплохой: смешливый и немного упрямый. Совсем как у Оленьки.

– Одну так одну, – затаив злобу, криве покладисто улыбнулся. – Сколько дадите. Не мне ведь – богам.

– Богов тоже раскармливать не надобно, – сквозь зубы заметил Сирвид. – Привыкнут, потом жертв для них не напа-

сешься.

Хорошо сказал! – про себя восхитился Игорь. Очень даже мудро. Действительно, чего раскармливать-то? Вот если только слегка прикормить...

– Княже! Князь! – выбежав на крыльцо, закричал, замахал руками Гинтарс. – Тут такое, такое...

– Что случилось? – тревожно обернулся Довмонт. – С княгиней что-то?

– Нет. Просто она сказала... чтоб ты прямо сейчас зашел. И – один. Так она сказала.

Мальчишка так и не пояснил, что же, собственно, такое произошло в княжеских покоях? Отвечал как-то уклончиво, да все напирал на княжну. Мол, она зовет, она все и скажет.

– Ну, надо так надо. Вы порешайте тут все, а я быстро.

Сказав так, кунигас быстрым шагом направился в дом, провожаемый подозрительным взглядом криве. Поднялся – взлетел – по высоким ступенькам, миновал сени...

В опочивальне Довмонта ждал сюрприз! Недаром Гинтарс выглядел таким взволнованным. Еще бы! На княжеском ложе, рядом с лежавшей поверх одеяла княжной, нагло сидела вчерашняя пленница-беглянка. Та самая, зеленоглазая, в рубахе с чужого плеча. Мало того что сидела, так еще и держала у самого горла юной княгини старый заржавленный серп.

Нет, ну это уж вообще, вконец обнаглеть надо! Просто ни в какие ворота.

– Стой, где стоишь, князь, – зловеще ухмыльнулась злодейка. – И знай, если что...

– Верю, – спокойно промолвил Довмонт... точнее сказать – Игорь. Сказал и натянуто улыбнулся: – Сейчас, небось, вертолет требовать будешь? И чемодан с долларами или евро?

– Чего-чего?

– Я на лавочку присяду, ладно?

В этой ситуации нужно было соблюдать хладнокровие. Девке этой терять нечего, возьмет да и полоснет серпом по горлу Бируте. Жалко княгинюшку, да!

– Ты чего хочешь-то?

– Свободы! – злодейка зыркнула зелеными очами и фыркнула, словно рассерженная кошка.

Князь неожиданно расхохотался:

– Свободы? И что ты с ней делать-то будешь? Одна ведь пропадешь, сгинешь.

Вот в этом он был прав абсолютно. В древние времена одному, без сородичей, не выжить никак. Прокормиться проблематично, да и вообще – любой обидит... или – любые. Все, как у Маяковского: единица – вздор, единица – ноль. Так как-то.

Девчонка отвечала классически, по типу – сам дурак.

– Пропаду. А тебе-то что? Все одно ведь вашим идолищам поганым в жертву назначена.

– А в жертву ты, значит, не хочешь? – Игорь уже начал кое

о чем догадываться. — Идолища, говоришь, поганные? Так ты что, христианка, что ли? Нет, ну, говори, коль уж начала... Да, и серп-то опусти, никто здесь тебя не обидит.

— Погожу пока...

— Нет, ты поясни! Как тебе эту свободу дать-то?

Девчонка неожиданно вздохнула:

— Просто отпусти. Дальше я уж сама выберусь.

— И куда? До первого воина? Кстати, ты кто? Как зовут, из какого рода?

— Какое тебе дело, из какого я рода?!

— Ну, не рычи уже, — недовольно покрывив губы, замахал руками князь. — Ты же сама велела меня позвать, так?

— Ну... так.

— Значит, поговорить хочешь. Говори! Ну-ну, говори же, я слушаю. Или уходи уже. Никто тебя не держит.

Дева дернулась:

— Вместе уйдем. Вот, с ней и уйдем. Из детинца выберемся, женушка твоя и вернется.

— Из детинца? — хмыкнув, кунигас перешел на русскую речь. — Ты что же, с Руси?

— Псковские мы, — пленница ничуть не удивилась, в этой части литовских земель русский язык вовсе не был какой-то экзотикой, многие аукшайты на нем говорили, особенно купцы, бояре, князья.

— Воины Миндовга-князя взяли в полон, давно уже. С тех пор — в полонянках.

– Ну, так беги! Я тебя отпускаю.

– Не верю я тебе, князь.

– Верь – не верь, твое дело. Звать-то тебя как?

– В Утене Жмutoй кликали, а на самом деле – Рогнеда.

Довмонт специально заговаривал опасной полонянице зубы, цепляя слово за слово. Рука наглой девчонки дрогнула, и серп уже не касался нежной шеи княгини.

– Рогнеда? Так это же варяжское имя.

– Та и мы из варягов... Были. Нынче нет уж ни семьи, ни рода.

Рогнеда прикрыла глаза... И князь стремительно ударил ее кулаком в лицо, обросив к стенке. Тут же и прыгнул, словно разъяренный тигр, выхватил меч...

– Не надо! – Бирите повисла на руке. – Прошу тебя! Не надо лить кровь.

– Она же чуть не убила тебя! – гневно воскликнул Довмонт. – Осмелилась поднять руку...

– Она не убила бы, нет. Я чувствовала.

Кунигас успокоился неожиданно быстро, и этому немало способствовал Игорь. Тем более юная княгиня была настроена против сурового наказания пленницы. Та же, забившись в угол, сверкала зелеными глазами, выставив вперед серп. На скуле ее, слева, растекался изрядных размеров синяк. Князь ударил от души, сильно, однако челюсть все же не сломал... кажется.

– Гинтарс! – убрав меч в ножны, глухо позвал Довмонт.

Слуга тут же заглянул в дверь:

– Звал, мой князь?

– Звал, звал. У тебя есть старая одежда? Ну, рубаха там, порты, телогрейка какая-нибудь.

– Одежда? – мальчишка озадаченно взъерошил затылок. – Ну... есть. Только не старая – праздничная.

– А сегодня ведь как раз – праздник! – весело расхохотался князь. – Вот и беги, переодейся. Эту же одежду, что на тебе, принесешь сюда. И держи язык за зубами, понял?

Гинтарс, похоже, обиделся: набычился, шмыгнул носом:

– Мог бы и не говорить, Даумантас! Ты же знаешь, как я предан тебе и княгине!

Махнув рукой, кунигас выпроводил слугу и с улыбкой обнял женушку:

– Ах ты, моя красавица. Видишь – как ты сказала, так я и поступил.

Бируте зарделась от удовольствия и, ничуть не стесняясь, пленницы, чмокнула мужа в щеку. Видно, молодой нальшанский властелин не очень-то баловал свою красотку супружницу.

Вскоре явился Гинтарс, выполнивший приказ князя буквально бегом. Аж запыхался, парень, употел! Прибежал, протянул одежонку:

– Вот!

Рубаха пришлась Рогнеде не то чтобы впору, но налезла, а

выпирающую грудь прикрыли безрукавкой из козлиной шкуры. Ее слуга тоже принес.

— Гинтарс проводит тебя, — глянув на девушку, негромко промолвил Довмонт. — Выведет из крепости, ну а дальше — сама...

Пленница ожгла дерзким взглядом:

— Я должна благодарить?

— Вообще-то вежливые люди именно так и делают. Однако же обойдемся. Пошла прочь! Эй, Гинтарс... Проводи.

* * *

Жрец Будивид выглядел не на шутку обиженным и разозленным. Еще издали завидел спускающегося с крыльца кунигаса и тут же бросился жаловаться:

— Я ведь сам выбрал ее! Сам, для богов! Для Перкунаса. А ее нет! Сбежала. Она сбежала, мой князь, — криве прищурился и скривил губы. — Сама не могла, не-ет. Кто-то помог. Прикажи высечь всех пленников, кунигас. Узнаем, кто помог. Сечь, пока не скажут. Ах, теперь уж придется принести сразу трех дев, — настойчиво плакался жрец. — Только так! Жертва должна быть праздничной, должна...

— Будет тебе жертва, — перебил Довмонт. — Именно такая, какой и должна быть — праздничная.

— Три, князь! — Будивид наглядно показал три пальца. — Три! Вели привести их в старое святилище.

– То, что в священной дубраве?

– Да, мой кунигас, туда! Думаю, именно там мы будем нынче славить наших великих богов.

– Я тебя понял, криве, – кивнув, кунигас запрокинул голову и посмотрел в высокое летнее небо. Светло-синее, с белыми, медленно плывущими, облаками. Интересно, как далеко уже успела уйти Рогнеда? Наверное, пока не очень-то далеко, верный Гинтарс еще не успел вернуться. Рогнеда... надо же. Из варяжской семьи... которой уже нет. Варяги, а жили и в Ладогe, в Новгороде, Смоленске, Пскове. Часть их давно уже смешалась с местными славянами, ассимилировалась, однако некоторые рода не смешивались, бережно храня родной язык и традиции.

Почему он, князь, отпустил эту наглую девку? Просто пожалел? Игорь пожалел, не Даумантас, тот бы наоборот – жестоко расправился с пленницей или отдал бы жрецу. Однако это хорошо! Игорь неожиданно для себя улыбнулся, понимая, что именно его сознание все больше и больше влияет на поведение юного нальшанского кунигаса! Раз так, то можно уже и поразмыслить на тему – как вернуться домой. Ведь, если нашли двери сюда, в эту жуткую эпоху, то, верно, можно отыскать и обратный ход. Вот только как? Может быть, с помощью жрецов? Того же Будивида. Хотя нет, лучше обойтись без него.

– Так мы пойдем готовить жертвенники, княже? – криве подозвал младших жрецов, околачивающихся неподалеку

крепких молчаливых парней несколько дебиловатого вида. — Нынче будет славная жертва!

— Будет, — заверил князь.

* * *

На пологом холме невдалеке от реки, под сенью священной дубравы уже собрался нарядно одетый народ. Жрецы в желтых одеждах торжественно встали у жертвенника, поглядывая на юных девственниц-жриц. Три юные девушки с распущенными по плечам волосами, три жрицы, называемые вайдилутес, поддерживали неугасимый огонь пред алтарем из плоского черного камня. Здесь же нынче были вкопаны в землю три столба. Вкопаны совсем недавно, буквально только что, в преддверие и в ожидании праздника. Рядом аккуратной кучей был сложен хворост, а под сенью священного дуба, росшего на самой вершине холма, виднелась целая копна сена.

Собравшиеся весело переговаривались и шутили, поглядывая на широкую, наезженную телегами дорогу, что шла вдоль реки. Все ждали князя. Мальчишки, убежав в лес, забрались на высокие липы, высматривали... Вот наперебой закричали:

— Едут! Едут! Вон они, вон.

Теперь и с холма заметили показавшихся на дороге всадников в дорогах разноцветных плащах.

- Кунигас! Кунигас со свитою.
- Слава богам, скачут уже!
- Ну, наконец-то.

Взобравшись на холм, князь, княгини и свита спешили, поклонились на все четыре стороны, оказывая почтение богам.

Будивид в нетерпении подошел к Даумантасу, спросил насчет жертв.

– Семь белых петухов, – негромко отозвался князь. – Еще три черных поросенка для матери-земли, и...

– И...

– И Лудгес. Конь моего отца.

– Конь отца... – криве ошалело моргнул.

– Конь, – подтвердил кунигас. – Тот самый, белый. Видишь, Будивидас, мне для богов ничего не жалко!

– Да, но... Ладно. Конь так конь. Думаю, боги будут довольны.

– Уверен!

Коня стреножили и крепко привязали к столбам. Жрец Будивид лично перерезал несчастному животному горло, после чего принялся мазать жертвенной кровью лбы всем желающим, прежде всего – князю, княгинюшке и боярам.

Конь захрипел, забился в конвульсиях и быстро затих – кто-то из младших жрецов по знаку Будивида ударил коня

рогатиной – в сердце. Вымазав кровью всех, кто подошел, жрецы проворно обложили труп только что убитого коня хворостом и сеном. Три юные девственницы вайдилутес торжественно зажгли от священного огня факелы и подошли к жертвеннику. Налетевший ветер растрепал светлые волосы дев, раздул рванувшееся к небу пламя!

– Прими нашу жертву, великий Дьявас! И ты, Перкунас, прими! – измазанный кровью Будивид истово заметался вокруг костра. За ним принялись прыгать и остальные жрецы, а юные жрицы вовлекли все присутствующих в хоровод. Прямо вокруг костра и ходили. Пели, кто-то бил в барабан, играли на свирелях и флейтах.

Все вроде бы шло хорошо, весело. Славили всех богов, не забыли и богинь, принеся белых петухов им в жертву. Матери же земле достались черные поросята. Водили хороводы, пели песни, радовались, а, вернувшись в селение, пили свежее пиво и брагу.

Правда, уже вечером поползли по всему городищу недобрые слухи. Говори о том, что священные ужи – залтисы – так и не выползли, а это очень плохой знак! Потому и не выползли ужи, что не было нынче славной человеческой жертвы. Не оказали налышанские жители и их кунигас должного почтения богам! Нет, нет уже того почитания, что раньше, нет!

Слухи такие разносили по селению молодые жрецы и юные жрицы. Будивид-криве не хотел ссориться с князем на людях, но про себя затаил обиду. Как же, ведь кунигас обе-

щал в жертву дев, а что вышло? Заменяли людишек на неразумную тварь. Хотя и хорош был конь, поистине княжеский, но... Все же не то это, совсем не то! Человеческая-то кровь богам угоднее, ближе.

Юная княгинюшка, употребив на пиру изрядное количество бражки и пива, немножечко упилась. Так, самую малость. Раскраснелась, развеселилась и прямо в опочивальне принялась петь песни. Про разных проказливых лесных духов, про русалок, леших и домовых:

– Ежеринис, Ежеринис, славный бог озер, Ежеринис, Ежеринис, дев нагих не тронь...

– Ух, какие мы песенки знаем! – шутливо ущипнув жену за бок, рассмеялся князь. – Что, прямо так, в одежде спать и будешь?

Бируте томно облизала губы:

– А я спать и не собираюсь сейчас! И тебе не дам. Ну-ка, помоги мне раздеться.

Игоря не надо было упрашивать дважды. Аккуратно развязав шнурочки, он снял с захмелевшей женушки платье, оставив ее в одной лишь нижней сорочке из тонкого льна. Которую тоже стянул, но чуть позже, предварительно поцеловав Бируте в губы...

Супруги целовались страстно, но не очень долго, сразу же перейдя к действиям, в результате которых оба оказались на ложе... и ложе закрипело так, что, верно, было слышно по

всей округе!

– Ах, славно как, славно, – погладив мужа по груди, прошептала княгиня. – Знаешь, ты стал каким-то другим, Даумантас. Да-да, другим, я чувствую. Ты так меня... я даже не знала, что так можно... Откуда научился, а?

– В книжках умных прочел!

– Ты же читать не умеешь!

– Умею уже. Научился.

– Врешь! – весело сверкнув глазами, Бируте резво соскочила с ложа и кинулась к резному сундуку. – Где-то тут у меня была книжица. Сейчас посмотрим, какой ты грамотей! Если не сумеешь прочитать – выполнишь любое мое желание.

– Я и так любое твое желание выполню.

– Чес-слово?

Игорь вздрогнул! Это выражение – «чес-слово» – это же было Оленькино выражение, любимая присказка или при-словье.

– Что ты там молвила, милая?

– Говорю – слово княжье даешь?

– Ну да – слово. А все же, как ты сказала-то?

– Да не помню уже. Отстань! Где же эта книжица-то?

Тонкий стан, изящная спинка, попка округлая, упругая, плотная и... такая знакомая родинка слева от копчика! Склонившаяся над сундуком княжна выглядела так аппетит-

но, что молодой человек не выдержал, прыгнул с ложа...

– Нет, нет... как стояла, так и стой, ладно?

Погладив жене спину и плечи, Игорь сжал ладонями ее тонкую талию, нагнулся, чувствуя нежную теплоту кожи. Вытянув руку, погладил грудь, зажал пальцами сосочки, затем опустился на колени, поцеловал ямочки на спине. И вот уже ладонь его скользнула к зовущей шелковистости лона... скользнула и задержалась, вызывая томные стоны и дрожь. Дрожа от нетерпения, Бируте истекала неистовым соком любви... Князь выпрямился, обхватив ладонями тонкий стан любимой...

И снова стоны, и жар, и биение сердце в унисон, и наслаждение, острое, высшее наслаждение, томительно-сладкое ощущение того, что только может быть между мужчиной и женщиной. Между возлюбленными, сгорающими от своей любви.

Кто-то постучал в дверь. Бируте как раз пришла в себя... правда, не до конца. Так, нагая, и подошла, отворила...

– Ой...

– Ты что хотел-то, Гинтарс? Ах! Подожди-ка...

Накинув рубашку, княгинюшка впустила слугу.

– Беда, князь! – с порога доложил подросток. – Дозорные заметили чужие костры в Черном лесу.

– Обожди.

Князь быстро оделся, опоясался мечом и вышел, княгине

же осталась в опочивальне. Все правильно, не женское это дело – война.

– Где именно костры? Кто у костров? Кто видел? – входя в горницу, Довмонт окинул собравшихся бояр тяжелым пристальным взглядом.

– Дозорный из моей стражи ждет на крыльце, князь, – поднявшись с лавки, доложил молодой белокурый воин в кольчуге и коричневом плаще с желтым подбоем. Альгирдас, верный друг детства.

– Позови, – кунигас уселся в резное кресло.

Альгирдас выглянул в распахнутое окно и крикнул.

Дозорный оказался молодым парнем из ополченцев, несших караульную службу по очереди. Белобрысый, по-крестьянски основательный, неторопливый, с круглым румяным лицом и задорно вздернутым носом, он говорил медленно, но вполне толково. Звали парня Мешко, что значило – медведь. Действительно, чем-то на медведя похож. Такой же косолапый увалень.

– Мы это, сидели, где пастухи, ну... У Черного леса, в двух десятков шагов от реки. Моя очередь была караулить. Сижу. Слышу – заяц пробежал. Потом – еще один. С чего бы зайцам ночью бегать? Знать, спугнул кто. Я и – посмотреть, ну. Знаю, как в ямках костры жгут. Это... огонь-то по стволам да вершинам отблесками не скачет, но привычному глазу разглядеть можно, ну. Тут такие же костры разложили, видать, через брод шли да вымокли все, сушились. Видать,

торопятся, дня ждать некогда. Да и не посушишься там особливо на солнышке – пуща, деревья вокруг. Разве что на бережку, у реки, но там на всю округу видно.

– Значит, таились и спешили, – задумчиво покивал князь. – Сколько их, кто – разглядел?

– Это... Копья, кольчуги блестели, а больше не разглядел. Близо не подбирался, ну. Заметили бы.

– Значит, не посчитал.

– Костров-то горело с дюжину, ну. Может, я еще не все заметил, – Мешко шмыгнул носом. – У каждого костерка, считай, человека четыре, а то и пять.

– Будем считать – около сотни. И кто б это мог быть?

– Думаю, это Наримонт, княже, – погладив вислые усы, сурово промолвил Сирвид-воевода. – Явился с дружиною отмстить за городище.

– Быстро.

– А что ему выжидать-то?

– Сотня человек вряд ли возьмет замок, – Довмонт покачал головой и тут же продолжил глуховатым, себе под нос, голосом. Словно бы размышлял вслух. – Да замок им и не нужен. Нужно – ясно что. Деревни пожечь, посевы, похватать людишек. Рисуем остаться без урожая. И без крестьян.

– Ну, крестьяне-то в замке укроются, – протянул Альгирдас. – И стада можно за частоколом спрятать. Если поспешить.

Князь скривился:

– Стада-то можно, и то не все, лишь часть малую. А рожь, овес, пшеница? Борти лесные? Лен тоже жалко, если сожгут. М-м-м... как же они быстро-то. Ты ж, дядюшка Сирвидас, говорил, что раньше осени ждать супостатов нечего.

– Так и не должны были бы утенцы раньше осени напасть. Все войско их вместе с князем – у Миндовга. А Миндовг их на север, против крестоносцев послал.

– Так у Миндовга с рыцарями вроде бы мир? – округлил глаза темноволосый Любарт-Любартас.

– Мир-то мир, но такой, что сильно войной пахнет, – сказав, воевода многозначительно посмотрел на Довмонта. – Что делать собираешься, князь?

– Собираюсь не дожидаться супостатов в замке, – деловито отозвался кунигас. – Давайте-ка прикинем, каким путями они сюда пойдут?

* * *

Нальшанский брод, что у Черного леса, издавна пользовался самой нехорошей славой. Вроде и не глубоко – по пояс, – а течение сильное, да еще камни. Бывало, по весне-то, не только людей, но и коров утаскивало, и даже пустые телеги! Окрестные крестьяне всерьез поговаривали, будто бы невдалеке от брода, в омуте под старой раскидистой ивой, с давних пор поселился сам Упинис, речной дух. Некоторые даже видели, как по ночам Упинис вылезает из омута и хо-

дит, ходит кругами. Ходит и этак страшно кричит.

Если посмотреть издали, то речной дух покажется похожим на обычного человека, только кривоногого, с длиннющими кривыми руками и с горбом на спине. Ежели же какой смельчак подойдет-подберется поближе, то заметит, что никакой это не горб, а плавник, как у рыбы. Позади же тащится по земле такой же, как у рыбы, хвост. У Упиниса и глаза – рыбы. Светлые, вроде бы и не живые. На кого такой взгляд попадет, тот сразу весь разум теряет, идет на реку да бросается в омут с головой.

Боялись местные жители Упиниса не на шутку, приносили жертвы – щук, уток, чаще же всего – цветы. Речной дух васильки любил, колокольчики, желтые купавницы, лилии. Вот и плели девы венки, бросали в воду – прими, Упинис, не гневайся, да почаще будь милостив.

Со стороны Черного леса к броду вела неширокая дорога, поросшая по краям густым кустарником, а кое-где обложенная по обочинам камнями. Вот на этой-то дороге и показался отряд всадников и пеших, да еще возы, телеги, рогожками крытые. Большой отряд, около сотни околючуженных воинов с мечами, копьями, со щитами. Ехали-шли не быстро, но и не медленно, лишь задержались немного у брода. Ехавший впереди всадник на вороном коне остановился, глянул на коричневатую воду, задумался. После недавних дождей брод вполне мог оказаться непроходимым.

– Оставим возы здесь, – подумав, приказал всадник. – С

ними – дюжину охраны. Остальные – за мной.

Пустились вброд кони и люди. Взбаламутили воду, и впрямь оказалось глубоко, да и течение – пустые-то возы вряд ли прошли бы, утянула бы река, а так...

А так вдруг, откуда ни возьмись, выплыли из-за излучины плоты! Вынеслись течением на стремнину, понеслись – прямо на воинов.

Опасность, конечно, заметили, но поздновато. Закричали, заматались, кто-то вытянул вперед руки... Да разве же осилит человек стремительно летящий по течению плот, связанный из тяжелых крепких бревен? Коню-то не устоять, а не то что человеку.

Кто успел – тому повезло, кто не успел, того плоты сшибли, потащили за собой на стремнину, на острые камни...

– Господине воевода! Смотри, смотри!

– Да что уж это такое, Пикуолис их побери! – поспешно выбравшись на противоположный берег, ругался воевода. – И откуда же плоты эти взялись?

– Местные крестьяне завсегда так лес заготавливают, – пояснил кто-то из воинов. – Таскать-то лень.

– Лентяи, чтоб их... Знали бы, переждали. Так! Плотовщиков – на деревья. Поймать и развесить – я сказал! Чтоб неповадно было. Чтоб знали впредь.

Худо ли, хорошо ли – а с дюжину пеших воинов не досчитались, и еще трех всадников. Ждать некогда было, пришлось оставить нескольких воинов – поискать, да еще с де-

сяток – плотовщиков ловить да вешать. А как же! Слово воеводы – закон. Сказал – поймать и повесить, так надобно исполнять, а не исполнишь ежели – сам на ветке болтаться будешь! Воевода Мингайла – на расправу крут, не хуже самого Наримонта-князя.

– Быстрее давайте! Быстрей. Эй, вы там. Догоняйте, иначе, клянусь всеми богами, я велю подогнать вас плетьюми.

Больше на пути, слава Диевасу, никаких бродов не было. Был мост. Хороший, сложенный из толстых бревен, мост по виду – так очень даже крепкий. Воины Мингайлы повеселели – мост это вам не брод, река течением не унесет, даже и ног не замочишь. Местные сим основательным сооружением, как видно, гордились. На устроенных по обеим сторонам перилах висели венки, сплетенные из васильков, колокольчиков и купавниц. Само собой, не простые то были венки – жертвенные, заговоренные на божью милость. По уму, так надо было б и воеводе в жертву хотя бы петуха принести – задобрить речных и лесных духов. Отрубили бы петуху голову, обмахали бы и перила, и бревна. Однако же торопился Мингайла и духов местных ни во что не ставил. Вот еще! В Утене, чай, и свои духи есть – вот им и жертвы будут. Так-то оно так, но...

Первым ехал воевода. В золоченом шлеме, в кольчуге сверкающей. Верхом на вороном коне. На боку – меч трофейный висит, немецкий, рыцарский. Алый, щедро расшитый золотом, плащ на круп коня ниспадает. Красив! Да и сам

воевода Мингайла красив – дороден, осанист, а уж борода – всем бородам борода! Длинная, рыжеватая, густая, расчесанная мелким гребнем – волосок к волоску. Хозяйская гордость.

Едет воевода, бороду поглаживает, следом за ним – и все остальные воины. Конечно, конные – первыми, а всякая там пешая шваль – сзади. Длиннен мост, широк, почти все воины как раз и взошли, поместились, – а воевода едва середину моста переехал. Осталось, верно, два десятка шагов всего, как вдруг...

Из воды вдруг выскочили змеи! Точнее, не змеи – веревки, привязанные к опорам моста. Кто-то за них потянул, и потянул сильно. Так, что заранее подпиленные опоры повалились вдруг в воду, и мост, казавшийся с виду таким надежным и крепким, разрушился прямо на глазах!

Люди, кони – все падали в реку, летели кувырком с высоты. Следом за ним валились вниз тяжелые бревна и доски, ранили, калечили, убивали.

На берегу, за кустами, вдруг затрубил боевой рог, дождем хлынули стрелы.

– На берег! – потеряв шлем, громко орал воевода. – Живо! За мной. За...

Докричался, злодей. Черная злая стрела впиалась ему в горло. Воевода упал на колени. Выскочивший из кустов молодой воин, лихо взмахнув секирой, снес с плеч бородатую голову.

С криком и молодецким посвистом вылетела из сада нальшанская конница! Впереди, на гнедом жеребце, скакал сам молодой кунигас – Даумантас. Сверкающий меч его разил врагов без пощады. Вскоре князь спешился, и кровавые брызги застили ему лицо.

– Бей, бей! – неслоь отовсюду.

Бей...

Кто-то бросился на князя, выбравшись из камышей. Какой-то молодой воин в короткой кольчуге и без щита. Разъяренный, с мечом. Выбрался и сразу ударил. Подставив под чужой клинок край щита, обитый железом, Довмонт нанес ответный удар, повредив врагу руку – щита-то у того не было, защищаться было нечем. Подставлять под удар свой клинок – так в те времена не делали, опасались. Лезвие ведь могло и сломаться, и тогда – верная гибель.

Но этот бедолага подставил – делать-то нечего. Клинки глуховато звякнули... Враг вновь занес меч для удара... Не дожидаясь того, кунигас ударил его краем щита в горло, угодив прямо в кадык! Враг захрипел, глаза его округлились... и князь довершил свое дело мечом, вскрыв врагу шею. Потокотом хлынула кровь, и упавший лицом вниз соперник уже не представлял никакой угрозы.

– Слава Перкунасу! – хохоча, громко закричал Довмонт, глядя, как его воины громят растерявшегося врага и в хвост и в гриву.

Пленных было приказано не брать. Убивали всех. Чтотб

знали. Чтоб боялись. Чтоб неповадно было.

Глава 3

Жемайтия, земли куршев

– Я помогу тебе вернуть Утену! Да-да, ты не ослышался, брат.

Почетный гость, князь Тройнат, по-хозяйски развалился в дубовом резном кресле, вытянув ноги к огню. Целый день напролет лил дождь, и Довмонт приказал протопить печи. Тем более – такой гость!

Племянник Миндовга, Тройнат, нагрянул внезапно, с небольшой свитой – навестить родича, товарища детских игр. Поохотиться, закатить пир, отдохнуть. Королевской волею князь управлял восточной частью Жемайтии, в просторечье именуемой Жмудью. Из всех литовских земель Жмудь считалась самой отсталой и мало кому нужной. Да что там и было-то? Ни городов, ни дорог – одни леса, болота без конца и края, да неотесанные мужики-деревенщины. Потому-то так легко Миндовг отдал Жмудь Тевтонскому ордену, получив взамен католичество, королевскую корону и благоволение римского папы, а самое главное – торжественное обещание рыцарей не трогать Литву. Обещание свое рыцари частенько нарушали, каждый раз получая достойный отпор. Правда, это все были мелкие стычки.

– Утена? – Довмонт усмехнулся, глядя, как высокий гость

вдруг принялся грызть ногти. Была у него в детстве такая привычка, как же. Вообще, Тройнат или, как его называли близкие и друзья – Тренята, мало изменился с той самой поры, когда вместе с Даумантасом плавали по реке на плотах, играли в детские игры да щупали деревенских девок. Все такой же упитанный, веселый. Разве что бороду отрастил и, кажется, стал чуть повыше ростом, а так... Все то же добродушное курносое лицо, темная, падающая на лоб челка, и хитрющие жуковатые глаза. Тот еще жук был Тренята, тот еще! Всегда себе на уме. Подобьет, бывало, на какую-нибудь гадость – потом сам же и наябедничает.

– Да – Утена, – Тройнат улыбнулся щербатым ртом. Кстати, передний зуб ему Домвонт когда-то и выбил. Камнем. Не со зла – шутки ради. Играли просто и вот...

– Помнишь, как ты браги упился, а потом батюшка твой...

– Не я упился, а ты! – возразил кунигас. – Я еще тебя потом тащил. А мог бы ведь и бросить! Валялся бы в грязи.

– Не бросил бы! – гость беспечно отмахнулся. – Ты же – мой друг. Нет?

– Друг, – согласно кивнул Даумантас. – И ты мне – друг.

Привстав, Тройнат хлопнул приятеля по плечу и громко расхохотался:

– Именно так, дружище! Ну, ты же знаешь.

– Ты что-то сказал об Утене, – напомнил нальшанский князь.

– Да, об Утене, – гость вдруг стал чрезвычайно серьезным,

улыбка на его широком лице бесследно исчезла, блеснули глаза. – Утена будет твоей, друг!

Довмонт недоверчиво усмехнулся:

– Наримонт ее просто так не отдаст. Значит – война. Ты мне поможешь? Подкинешь воинов?

– Помогу, – клятвенно заверил гость. – Только войны не будет. Вернее, будет, но не здесь. И не с Наримонтом.

– Что же он, просто так отдаст Утену? – налышанский кунигас уже почти кричал. Гневался. Так, правда, и есть – Тренята что-то хитрил, как всегда, что-то свое выгадывал, ничего не говоря прямо.

– Не просто так. Он получит свой кусок земли в Жемайтии.

– Кто же ему даст?

– Я!

Это вот – «я» – Тройнат произнес с поистине королевским пафосом, какому, верно, позавидовал бы и сам Миндовг, коли б услышал.

– Ты?! – подскочив на лавке, Довмонт невежливо захохотал. – Да ты кто такой-то, Тройнатик? Королем Литвы себя возомнил?

– Ну... пока не всей Литвы, а Жемайтии, – совершенно невозмутимо отвечал товарищ детских игр. Ответил и тут же схватил кунигаса за руку, зашептал, быстро, с жаром:

– Да, король Миндовг подарил Жемайтию рыцарям... но... хочет вернуть ее обратно. Это знают и тевтоны. Мало

того! Совсем недавно они заключили договор с Земовитом, Мазовецким князем. Мои люди донесли вовремя... Как ты думаешь, против кого дружить собрались? А? То-то! Рыцари хотят покорить Жемайтию, соединить две части своего ордена. Но жмудины у себя в лесах... они ведь не знают, что их подарили немцам. Если б их об этом спросили – они вряд ли были бы согласны. Миндовг, кстати, тоже уже не раз пожалел о своем решении. И, знаешь, пожаловал Жемайтию мне. Так что теперь это моя земля, дружище! А рыцари ее хотят прикарманить. Они уже собирают войско! Утена же... – как в детстве, Тренята легко перескочил с одной темы на другую. – Наримонта не любят в Утене. Не уважают, нет. Все знают, как он захватил трон. К тому же он слишком жаден и пытается давить всех. Увеличил оброк, поднял торговые пошлины. От этого случаются мятежи. Наримонт ведь не дурень, чувствует, как шатается под ним трон. Мало того – горит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.